

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 49

**МАКС ПРЕСС
Москва
2014**

УДК 81
ББК 81
Я410

Р е д к о л л е г и я :

доктор филол. наук Е.Л. Бархударова, доктор филол. наук И.А. Бубнова,
доктор филол. наук А.И. Изотов, доктор филол. наук М.Л. Ковшова,
доктор филол. наук В.В. Красных

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2014. –
Вып. 49. – 100 с.

ISBN 978-5-317-04870-9

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Language - Mind - Communication. Issue 49 / Barkhudarova, E.L., Bubnova, I.A., Izotov, A.I., Kovshova, I.A., Krasnykh, V.V., (Eds). - Moscow: MAKS Press, 2014. - 100 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis; lexicography.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-04870-9

© Авторы статей, 2014

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Красных, В.В.* Базовые метафоры русской лингвокультуры в творчестве К. Васильева = *Krasnykh, V.V.* Basic Metaphors of Russian Linguo-Culture in Verse by K. Vasiljev.....5
- Щеглова, И. В.* Тенденции функционирования национально-русского двуязычия в Астраханской области (на материале опроса татар старшего поколения) = *Sheglova, I. V.* National-Russian Bilingualism In Astrakhan District (Senior Tatars' Opinion Poll)12
- Ван Хунвэй (КНР), Янь Кай (КНР)* Цветовой код культуры в формировании языковой картины мира (на материале китайского языка) = *Wang Hongwei (PRC); Yan Kai (PRC)* Color Code Of Culture In Forming Language Picture Of World (On The Chinese Language Material)18

ЛИНГВИСТИКА

- Забросаева И. А., Конурбаев М. Э.* От LSP до специализированного дискурса: исторический срез = *Zabrosaeva I. A., Konurbaev M. E.* A History Of Specialized Discourse Studies: From Language For Specific Purposes (Lsp) Till Cognitive Linguistics26

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Изотова А.А.* Функциональная фразеология в художественном дискурсе = *Izotova A.A.* Functional Phraseology In Fiction88
- Авторы выпуска / Authors100

БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К. ВАСИЛЬЕВА

В.В.Красных

BASIC METAPHORS OF RUSSIAN LINGUO-CULTURE IN VERSE BY K. VASILJEV

V.V. Krasnykh

ABSTRACT:

The phenomenon of basic metaphor is in focus of the given article. Some basic metaphors of the Russian linguo-culture are analyzed on the material of K. Vasiljev's poetry.

Key words: culture, linguo-culture, basic metaphor

В статье рассматривается феномен базовой метафоры, и приводится анализ базовых метафор русской лингвокультуры на примере поэтических текстов К. Васильева.

Ключевые слова: культура, лингвокультура, базовая метафора

Статья написана на основе доклада, прочитанного на конференции «Голоса провинциальных поэтов», проходившей в августе 2013 года в г. Ярославль.

0. Как говорили софисты: прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах. Поскольку речь идет о лингвокультуре, то это понятие и следует представить в первую очередь.

1. Итак, **лингвокультура**. Понятно, что в термине две составляющие: лингво- (то, что относится к языку) и культура. Начнем с представления того понимания, которое в данном случае вкладывается во вторую составляющую – термин **КУЛЬТУРА**.

Совершенно очевидно, что в современной науке есть сотни дефиниций, которые различны постольку, поскольку их предлагают исследователи, работающие в рамках различных наук, направлений, школ.

Так, например, вслед за Ю.М. Лотманом культура может рассматриваться как «надындивидуальный механизм *хранения и передачи* некоторых сообщений (текстов) и *выработки* новых» (выделено мною. – В.К.) и может пониматься как *пространство некоторой*

общей памяти, т. е. такое пространство, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы [Лотман 1992]. Такое понимание культуры было воспринято и развито в работах известного немецкого египтолога Яна Ассмана, который считал, что «культура есть объективизированная память общества, сохраняющего свою идентичность и передающего ее по цепочке поколений» [Ассман 2004]. Опираясь на идеи Ю.М. Лотмана, он предложил понятие **культурной памяти** как *формы трансляции и актуализации культурных смыслов*. **Культурная память** – это еще и обобщающее название для некоторого «знания», которое регулирует деятельность человека. Это «знание» управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах, включая общество в целом. Оно должно *постоянно (из поколения в поколение) повторяться и заучиваться*. Таким образом, культурная память *формируется веками*, и ее носителями являются уже не обязательно современники «актуального сообщества вспоминающих», а особые (иногда профессиональные) хранители и носители традиции, например жрецы. Таким образом, культурная память предстает как *феномен коллективный* (при этом важно помнить, что коллективные воспоминания не есть простая сумма воспоминаний индивидуальных). Она обязательно связана с социальными группами, для которых она служит основой самоидентификации, укрепляя в них ощущение единства и собственного своеобразия [Ассман 2004].

Культура, по Ю.М. Лотману [Лотман 1992], имеет, помимо коммуникационной, еще и символическую природу. Последняя же обуславливается тем, что за знаками, которыми обмениваются личности в процессе общения, всегда стоят смыслы, открытые для своих и закрытые для других (культурноносные смыслы языковых единиц, ритуалов, артефактов и под.).

Культурная память, культурное пространство, культура как таковая могут рассматриваться как «ненаследственная память коллектива, выражающаяся в определенной системе запретов и предписаний» [Лотман, Успенский 1971; ЭР].

Последние и образуют культуру в понимании, которое представлено в работах В.Н. Телия: культура есть «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222], т. е. по сути это есть мировидение, мироощущение и миропонимание некоторого сообщества (применительно к России – национально-лингвокультурного).

Данное понимание культуры, во-первых, никоим образом не отрицает ее материальную составляющую, но лишь фокусирует внимание на ее идеальной стороне, а во-вторых, охватывает в том числе и умение оперировать предметами окружающего мира, использовать их в соответствии с собственными потребностями и т. д. Культура явлена человеку в предметах, практиках, символах, ритуалах и под., а также – и, возможно, в первую очередь – в знаках языка, которые при таком подходе выступают как тела знаков языка культуры [Телия 1996].

Таким образом, культура предстает как обладающая семиотической природой совокупность представлений (в самом широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, оценивают, осознают, понимают, интерпретируют, объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Эта совокупность пронизывает все наше бытие, но зачастую остается неосознаваемой. Человек замечает ее, когда сталкивается с иным / другим / чужим / чуждым. В любом случае она может быть от-рефлексирована при необходимости и/или желании. Эта совокупность обладает способностью, с одной стороны, *трансформироваться и изменяться*, с другой – *воспроизводиться и сохраняться*. В этой способности – *залог жизнеспособности и жизнестойкости как самой культуры, так и того сообщества*, которое данная культура «держит» (если угодно, «цементирует») и «лицо» которого она предопределяет [Красных 2013].

Данная совокупность, как уже говорилось, поддается и подлежит транслированию, в первую очередь посредством языка, особенно если есть установка на сохранение сообщества. При этом трансляция может носить как диахронный характер, т. е. передаваться не только непосредственно межпоколенно – от одного поколения другому, так и по цепочке поколений, когда общение дистанцировано во времени даже с позиций исторической перспективы («вертикальная» трансляция; здесь прослеживается явная аналогия с культурной памятью, о которой пишет Я. Ассман в указанном ранее произведении), но и синхронный, т. е. между современниками, живущими и общающимися «здесь и сейчас» с точки зрения исторической перспективы («горизонтальная» трансляция; особенно актуальна при вхождении человека в другую / иную / чужую для него культуру) [Красных 2013].

2. Теперь можно определить и достаточно новое для науки понятие – **ЛИНГВОКУЛЬТУРУ**. Она понимается как *воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура, культура явленная нам в языке и через язык*. Лингвокультура – *феномен лингвокогнитивный*, форми-

руемый не языковыми единицами, но в первую очередь *образами сознания в их вербальных одеждах*, что требует несколько иных методов анализа. Это связано с тем, что в фокусе рассмотрения в данном случае находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но *образы, овнешняемые в знаках языка* [Красных 2013]. Иначе говоря, в данном случае *знаки языка* (в лингвистическом понимании этого термина) рассматриваются как *тела знаков языка культуры* (по В.Н. Телия; см., напр., [Телия 1996; 2006]).

Формируясь на участке пересечения / взаимопроникновения языка и культуры как самостоятельных семиотических систем, лингвокультура претендует на статус третьей (отдельной, самостоятельной) семиотической системы, обладающей своим **СЛОВАРЕМ** и своей **ГРАММАТИКОЙ**, т. е. *основными единицами, группирующимися в классы, обладающими определенными категориями, структурой, отношениями и под.*

«Семантика» лингвокультуры – это *культуроносные смыслы, овнешненные в знаках языка.*

Исходя из только что сказанного о лингвокультуре, представляется возможным утверждать, что в сфере культуры и лингвокультуры **ЯЗЫК** выполняет *ФУНКЦИЮ ОЗНАЧАЮЩЕГО*, а в роли *означаемого выступают культууроносные смыслы, культурно-маркированные образы сознания, культура* как таковая в представленном ранее понимании [Красных 2013].

3. Что есть **БАЗОВАЯ МЕТАФОРА**? Думается, что базовую метафору можно определить следующим образом: это метафора, имеющая архетипическую природу и основанная на архетипических представлениях. Архетипические представления – древнейшие, надличностные, коллективно-родовые представления, лежащие в основе окультуривания человеком окружающего мира, моделирования человеком космоса из хаоса (по В.Н. Телия). Основанием базовой метафоры выступает максимально абстрагированная «идея» феномена, которая может не осознаваться представителями лингвокультуры. Например, *идея движения* является образным основанием когнитивной базовой метафоры, с помощью которой мы осмысливаем человеческую жизнедеятельность. При этом предполагается движение вперед (прогресс) и не исключается движение назад (регресс) с возможными колебаниями по шкале «верх / низ»: *жизненный путь, встать на путь, идти своей дорогой, встретить на своем пути, встать на пути / дороге, уступить дорогу, пути / дороги сошлись / разошлись* и под.; *вести в курс дела, вынести на обсуждение, завести в тупик*; сюда же: *мысль пришла в голову, вылетела из головы; слово сорвалось с языка; дела идут*; и обратная ситуация, нару-

шающая «правильный» *ход вещей – топтаться на месте, не продвигаться ни на шаг / йоту*, что «плохо» и, наконец, *сдвинуть дело с мертвой (!) точки*; и т. д., и т. п. Базовые метафоры в силу своей природы задают определенный вектор дальнейшей метафоризации, которая проявляется и закрепляется, в том числе, во фразеологических единицах (см. только что приведенные примеры) [Красных 2005; 2013].

Базовые метафоры соотносимы, с одной стороны, с базовыми (универсальными) оппозициями, с другой – с базовыми символами культуры и, соответственно, лингвокультуры.

Покажу реализацию того, о чем только что говорилось, в творчестве К. Васильева. Будучи ограничена рамками жанра статьи, приведу только один пример – стихотворение «Нищета одиночного камня...». В этом произведении могут быть обнаружены (привожу лишь некоторые):

(1) базовые метафоры на основе базовой оппозиции:

ЖИЗНЬ движение	↔	СМЕРТЬ неподвижность
--------------------------	---	--------------------------------

ЖИЗНЬ свет	↔	СМЕРТЬ тьма
----------------------	---	-----------------------

вторичная метафоризация:

ЖИЗНЬ СВЕТ чистота прозрачность	↔	СМЕРТЬ ТЬМА грязь муть
---	---	--

(2) символьная функция:

каменя (неподвижность, неизменность, тяжесть = смерть);

воды (движение = жизнь);

болота (отсутствие движения = подобие смерти) ↔ вода.

(3) метафора времени как живого существа (оно «пережевывает»); неизменность состояния объекта («трав»), подобие смерти.

И вот теперь – полный текст стихотворения с построчными комментариями.

<p>(1) Нищета одиночного КАМНЯ (2) В одичалой БОЛОТНОЙ глуши... (3) И ВОДА без движенья – веками, (4) и останешься, как ни кружи.</p>	<p>неподвижность, неизменность = смерть; + ср. 18 неподвижность = смерть; подобие смерти – “ – движение на месте ≈ подобие смерти</p>
<p>(5) Одинаково – слева и справа, (6) И вперёд – неизвестно, куда. (7) <i>Пережёваны временем</i> травы, (8) всё отстаивается ВОДА,</p>	<p>неизменность = смерть неопределенность; + см. 15-17 <i>время</i> – «пережевывающее» начало; подобие смерти неподвижность = смерть</p>
<p>(9) и не может она отстояться – (10) неживая, но жидкая муть... (11) И не хочется здесь оставаться. (12) и не хочется трогаться в путь.</p>	<p>все-таки живое начало в воде; + см. 13 «НО»: жидкость – движение – жизнь пограничное состояние между смертью («оставаться» = неподвижность) и жизнью («путь» = движение)</p>
<p>(13) Но когда пересохнет и эта (14) Местность, столь надоевшая мне, – (15) Ну в какую же сторону света (16) я пойду, и в какой стороне</p>	<p>вода как символ жизни (ср. 9) ср. 6</p>
<p>(17) я увижу похожее что-то? (18) Эта пустошь на свете – о д - на ... (19) Жарко. Пересыхает БОЛОТО. (20) Подымаются КАМНИ со дна.</p>	<p>ср. 1 см. 2 <i>дно</i> – низ, тьма</p>

Базовые метафоры, как говорилось, зачастую не осознаются носителями языка и культуры, однако они лежат в основе нашего мировидения и проявляются в нашей речемыслительной деятельности, предопределяя, с одной стороны, речетворчество, с другой – восприятие текстов. Поэзия К. Васильева, как представляется, в полной мере наполнена

русским мировидением, мироощущением, миропониманием, русской культурой. Вероятно, именно поэтому она не оставляет и не может оставить читателя равнодушным.

Литература / References

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
2. *Красных В.В.* Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005, № 7 (12). С. 10–24.
3. *Красных В.В.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2013, № 2. С. 7–18.
4. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // *Лотман Ю.М. Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.
5. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // *Труды по знаковым системам V*. Уч. зап. ТГУ. Вып. 284. Тарту, 1971. С. 147.
6. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века). ЭР (электронный ресурс). URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> или http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/15.php.
7. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий.* / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006. С. 776–782.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПРОСА ТАТАР СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ)

И. В. Щеглова

NATIONAL-RUSSIAN BILINGUALISM IN ASTRAKHAN DISTRICT (SENIOR TATARS' OPINION POLL)

I. V. Sheglova

ABSTRACT:

Our research is devoted to the investigation of bilinguals' communicative behaviour in monolingual Astrakhan region. Some trends of communicative behaviour of native speakers of Tatar-Russian bilingualism in the given sociocultural area are considered in the article.

Key words: National-Russian bilingualism; communicative behaviour; trends of bilinguals' communicative behaviour

Ключевые слова: национально-русское двуязычие; коммуникативное поведение; тенденции коммуникативного поведения билингов.

Астраханская область – один из уникальных регионов Российской Федерации. Наряду с геополитическим значением, Нижневолжье является образцом межэтнического сосуществования. Рассмотрим причины данного факта. Прежде всего, Астраханский край – это перекрёсток путей и «врата народов», регион открытых этнических и культурных миграций. Кроме того, сплочению людей способствовало природное своеобразие региона – жёсткость климата. Есть также мнение, что Астраханская область представляет собой особую территорию на стыке трёх историко-этнографических областей: Северо-Кавказской, Центрально-Азиатской и Средне-Волжской [Викторин 1989: 18-22].

Полиэтнический состав населения области – это её визитная карточка на протяжении столетий. Это положение нашло воплощение в литературе. Так, Велимиру Хлебникову – уроженцу Астраханского региона – принадлежит приоритет в разработке оригинальной концепции межэтнических отношений. По мнению Г.Г. Исаева, в художественной модели мира, созданной поэтом, торжествует равенство и свобода наций, людей, богов; в нём отсутствуют такие понятия, как нацио-

нальное угнетение, ущемление национальных интересов, национальная вражда, национальный эгоизм [Исаев 1998: 26]:

*И открывая умные объятия,
Воскликнуть: «Звёзды – братья, Горы – братья!
Боги – братья!»*

В поэтических воззрениях В. Хлебникова, несмотря на их утопичность, было много перспективного, много такого, что не утратило своего значения до сих пор – прежде всего, идея «человечество – семья народов» [Исаев 1998: 27].

Сегодня на территории Астраханской области проживают представители более 200 национальностей. Татары – третья по численности (после русских и казахов) группа населения Астраханской области. По переписи 2002 г. их насчитывается 72 489 человек, что составляет 7,3 % от общего количества жителей.

Целью нашего исследования является изучение коммуникативного поведения билингвов в моноязычном Астраханском регионе. В работе отражены результаты опроса татар старшего поколения, намечены некоторые тенденции коммуникативного поведения билингвов в указанном социокультурном пространстве.

Интересна ситуация сбора материала. Это включённое наблюдение, которое осуществлялось следующим образом: в разгар функционирования рынка-сбыта овощей и фруктов татары свободно общались с покупателями на русском языке, между собой (на рынке они стоят компактно) переключались на родной язык. Следующим этапом стало анкетирование.

Всего было опрошено 40 человек: женщины в возрасте от 51 года до 67 лет. Респонденты проживают в следующих сёлах Приволжского района Астраханской области: с. Килинчи, с. Осыпной бугор, с. Яксатово, с. Три Протока, с. Татарская Башмаковка.

Все опрошенные на татарском языке говорят с детства и считают его родным языком. На вопросы «Где изучали родной язык? Кто обучал?» тестируемая группа отвечала следующим образом: 10 % – в школе. Однако один из информантов пояснил, что «мама (учительница) отдала в русский класс, несмотря на то, что в 1960 г. в с. Три Протока были татарские классы». Считаю целесообразным привести комментарии других респондентов по поводу изучения родного языка в школе:

– «с 1 по 8 класс обучалась в татарском классе» (с. Килинчи);

– «преподавания родного языка в школе не было» (с. Татарская Башмаковка).

Ещё 10 % опрошенных отметили: *«никто не обучал: в селе жили – научились»* (с. Три Протока), а также *«мы (татары) говорили везде по-татарски; наши русские друзья, одноклассники понимали нас и тоже говорили по-татарски»* (с. Татарская Башмаковка).

Релевантными были ответы, согласно которым, билингвы выучили родной язык в семье, активное участие принимали бабушки, дедушки, мамы, папы (80 % респондентов).

Резюмируем, приоритет в обучении родному языку детей принадлежал семье. Кроме того, важно отметить некие разночтения в изучении татарского языка в школах. Респонденты приблизительно одного и того же возраста (57-59 лет) давали разные сведения: *«мама отдала в русский класс»*, с одной стороны, и *«в школе не было преподавания татарского языка»*, с другой. Подчеркнём, что эти информанты проживали в разных населённых пунктах. Таким образом, в перспективе (при анализе языковой политики в регионе) важно обратить внимание на изучение татарского языка в школах области, выяснить: имел ли место факт, когда в одно и то же время в одних населённых пунктах в школах преподавали татарский язык, в других поселениях – нет. Причём названные сёла – места компактного проживания татар.

В настоящее время респонденты на татарском языке говорят много. Мы попросили информантов выразить **в процентном соотношении «сказанное за день по-татарски и по-русски»:**

30% представителей тестируемой группы отметили: 70% по-татарски и 30% по-русски. Незначительное использование русского языка в разговорной речи один из респондентов объяснил так: *«Зять аварец; жениться надо на своей нации, чтобы не терять культуру!»*

20% опрошенных (жительницы с. Килинчи) представили результат: 80% по-татарски и 20% по-русски;

20% затруднились представить свой языковой день в процентном соотношении, пояснив: *«дома 100% по-татарски, а в городе, на рынке, приходится говорить по-русски»; «летом на базаре – по-русски, зимой – по-татарски».*

10% информантов представили процентное соотношение сказанного по-татарски и по-русски так: 60% к 40%.

И, наконец, ещё 20% респондентов представили следующую оппозицию: 50% к 50%, отметив, что *«даже в нашей компании (компании татар) мы часто переходим на русский язык»* (с. Осыпной бугор).

Таким образом, материал показывает, что большинство билингвов (татарско-русское двуязычие) старшего поколения (80%) в моно-

язычном Астраханском регионе в основном говорят на родном татарском языке.

Татарский язык является «домашним» языком 90% опрошенных. Эта группа респондентов пояснила, что дома говорят по-татарски в пределах 90 – 95% от сказанного ежедневно. 10% информантов данной тестируемой группы отметили, что только с внуками говорят по-русски. Остальные 10% респондентов не считают татарский язык «домашним» языком общения, подчёркивая интернациональность своих семей, например: *зять аварец; «не могу говорить с ним по-татарски; он против, чтобы внучку обучала татарскому языку»; «по-татарски говорю с мужем».*

На родном языке татары говорят с другими татарами (*«Как же с татаркой я буду говорить не по-татарски?»*).

Информанты на татарском языке (согласно ответам, полученным на предложение подчеркнуть те речевые жанры, которые «исполняются» только на татарском языке) читают молитвы (100% опрошенных); приветствуют (90% опрошенных); поздравляют других представителей своего народа (90% опрошенных); осуждают / одобряют (90%); просят (90%); сочувствуют (90%).

Однако 10% информантов (жительницы с. Осыпной бугор) подчеркнули: *«На татарском языке читаем только молитвы, а поздравляем, приветствуем, осуждаем/одобряем, просим «уже вперемешку»: через слово – русский язык!»; «уже не так знаем; не читаем – вот результат!».*

Следует пояснить, что названные речевые жанры выбраны нами неслучайно. Полагаем, лексическое наполнение каждого из них знакомо с детства из семьи. Материал показывает, что билингвы (татары старшего поколения) используют татарский язык в следующих речевых жанрах: молитва, приветствие, поздравление, одобрение / осуждение, просьба, сочувствие (это подтвердили 90% опрошенных).

Перейдём к анализу ответов респондентов на следующий вопрос: **«Обучали и обучаете ли родному языку Ваших детей, внуков? Возникли ли у Вас трудности? Какие?»**

Дети тестируемой группы владеют татарским языком. Это отметили все информанты (100%): *«3 дочери изучали в школе (до 5 класса). Дети хорошо говорят по-татарски (не пишут, не читают) – говорят»* (с. Яксатово).

Важны замечания половины опрошенных о том, как их внуки владеют татарским языком:

- «внуки говорят плохо. Ничего нет в школе (только факультатив с 1-го класса)» (с. Три протока);
- «внуки даже не понимают» (с. Килинчи);
- «внук с 1 класса изучает татарский язык как иностранный. Но отвечает по-русски на вопросы, заданные на татарском языке» (с. Яксатово);

Резюмируем, согласно данным анкет, в Астраханском регионе намечена следующая тенденция: молодое поколение татар (дошкольного – школьного возраста) владеет татарским языком плохо. Причинами этого, по мнению респондентов, являются отсутствие систематических занятий в школе по изучению татарского языка и особенности проведения досуга: увлечение телевизионными трансляциями, компьютерными играми.

Разделяя мнение Д.С. Лихачёва («Культура каждого народа определяется его библиотекой»), предложили тестируемой группе ответить на вопросы **«Есть ли дома литература на татарском языке? Что прочитали на татарском языке за последнее время?»**

На вопрос о наличии дома литературы на родном языке все информанты ответили положительно. 40% из них пояснили, что именно есть в домашней библиотеке: сборник стихотворений Габдуллы Тукая, Коран, детские книжки, журнал «Азат хатын» («Свободная женщина»).

На вопрос «Что прочитали на татарском языке в течение 3-6 месяцев?» информанты ответили так:

10% опрошенных: *«читала только в детстве»;*

20% респондентов: *«слова читаю неправильно, поэтому читаю только на русском языке произведения Г. Тукая, Мусы Джалиля», газету «Идель»;*

10% – *«не умею читать»;*

40% информантов: *«произведения Г. Тукая, газету «Идель», цикл стихотворений «Моабитская тетрадь» татарского поэта Мусы Джалиля, «Мои Килинчи» астраханки З.Ф. Ишбердиевой»;*

Остальные 20%: *«ничего, нет времени!».*

Итак, 40% информантов читают произведения известных татарских поэтов и прессу на родном языке. Однако это меньше половины опрошенных.

Подведём итоги. Анализ анкет респондентов позволяет выделить следующие тенденции коммуникативного поведения билингвов (татар старшего поколения) в моноязычном Астраханском регионе:

1) на татарском языке говорят с детства, учили его в семье и считают татарский язык родным языком (татарско-русское двуязычие);

- 2) в настоящее время на татарском языке говорят много;
- 3) татарский язык является «домашним» языком 90% опрошенных;
- 4) на татарском языке читают молитвы (100% опрошенных), приветствуют (90% опрошенных), поздравляют других представителей своего народа (90%), осуждают/одобряют (90%), просят (90%), сочувствуют (90%);
- 5) дети тестируемой группы владеют татарским языком: не пишут, не читают, но говорят;
- 6) внуки респондентов (дети дошкольного и школьного возраста) владеют татарским языком плохо;
- 7) в домашней библиотеке респондентов есть литература на татарском языке. Однако только 40% читают произведения известных татарских поэтов и прессу на родном языке;
- 8) респонденты заинтересованы в развитии национальной культуры, языка. Об этом свидетельствует отклик на наши вопросы, а также активное обсуждение предложений по совершенствованию языковой политики Астраханской области.

Перспективы работы видим в опросе билингвов (татарско-русское двуязычие) других возрастных групп, проживающих в Астрахани и области.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

- Викторин В.М.* Астраханская область как особая историко-этнографическая зона и задачи по сохранению её этнокультурного наследия // Проблемы этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики: материалы научного семинара 16-20 сентября 1989. – Астрахань, 1989. – 125 с.
- Исаев Г.Г.* Концепция межэтнических отношений в творчестве Велимира Хлебникова // Астраханский край в русской литературе и фольклоре: материалы научно-практической конференции 27 марта 1998 г. – Астрахань, 1998. – 139 с.
- Сайт Общества татарской национальной культуры «Дуслык» // duslik-astr.ru

ЦВЕТОВОЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ван Хунвэй (КНР)

Янь Кай (КНР)

COLOR CODE OF CULTURE IN FORMING LANGUAGE PICTURE OF WORLD (ON THE CHINESE LANGUAGE MATERIAL)

Wang Hongwei (PRC)

Yan Kai (PRC)

ABSTRACT

The article is devoted to color code of culture in the Chinese language picture of world. A range of color terms (red, white, black, yellow, green and blue) is analyzed from the point of view of their cultural sense.

Key words: color, linguo-culture, color code of culture

Данная статья посвящена анализу цветового кода культуры в китайской языковой картине мира. Рассматривается ряд цветообозначений (красный, белый, черный, желтый, зеленый и синий) с точки зрения их культурноносных смыслов.

Ключевые слова: цвет, лингвокультура, цветовой код культуры

В современной гуманитарной науке коды культуры изучаются в ряде наук: в философии, психологии, культурологии, семиотике, лингвистике и др. В современной лингвистике «код культуры» рассматривается в первую очередь в лингвокультурологическом плане.

Люди (как высшие из живых существ) используют знаки и создают знаки; с помощью знаковых систем люди передают друг другу знания о мире. Обретение и передача смысла являются важнейшими признаками человеческого разума. Большая часть информации о действительности предстает человеческому сознанию через языковой канал, при этом язык не только отображает действительность, но и интерпретирует ее.

Мы живем в сложном информационном пространстве, создаваемом знаками. Знаки несут информацию о действительности и воздействуют на сознание и психику человека. Наука, которая занимается знаками и знаковыми системами, называется семиотика.

Ключевой термин семиотики – код, он означает «закон соответствия между планом выражения и планом содержания знака; кодом задается

значимость знака, а интерпретатор эту значимость определяет, расшифровывает» [Гудков, Ковшова 2007: 7].

И поскольку, по словам Д.Б. Гудкова, код вырабатывается и осуществляет «свою функцию в культуре <...> в культуре организуются и иерархически упорядочиваются культурные коды» [Там же: 8], интерпретатор раскрывает в содержании знака и понимает в том числе и культурные смыслы.

В данной работе мы, придерживаясь определения В.Н. Телия, понимаем культуру как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222], т. к. знак несет социокультурный смысл и влияет на сознание и психику человека, а также отражает реалии мира.

Отметим, что цветовой символизм как социокультурное явление в жизни человека трудно переоценить. Всё, что мы видим, мы видим с помощью светового или цветового сигнала. Цвет – одно из свойств объектов материального мира, воспринимаемое как осознанное зрительное ощущение. Тот или иной цвет «присваивается» человеком объектам в процессе их зрительного восприятия. Стоит также учитывать, что «многомерное явление цвета в лингвокультурах народов мира исследуется учёными разных стран, так как понимание эстетических ассоциаций формирует определённый цветовой код культуры народа» [Янь Кай 2012: 46].

Под термином «код культуры» мы, вслед за В.В. Красных, понимаем «сетку», которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и “кодируют” [Красных 2002: 232].

На наш взгляд, некоторые коды культуры непосредственным образом связаны между собой. Так, нам представляется, что тесную связь имеют цветовой код культуры и предметный код культуры: последний связан с предметами окружающего мира, а некоторые предметы сами по себе не обладают культурным смыслом/культурной коннотацией, но после «добавления» цвета у данных предметов появляется культурный смысл/культурная коннотация. Например, в китайском языке *красный огонь* (红火) – ‘процветающая фирма’.

Кроме того, в определенных лингвокультурах цвета могут обозначать разные вещества/элементы. Например, китайская культура включает пять стихий (элементов мира) – дерево, огонь, земля, металл, вода. Эти элементы имеют свои соответствующие цвета: «металл – белый, дерево – зелёный, вода – чёрный, огонь – красный, земля – жёлтый» [Белоусов 2004: 41].

Цветовой код культуры в современной лингвистике рассматривают в первую очередь в русле лингвокультурологии. Материалом нашего исследования является лексика цветообозначения. Известно, что она часто имеет не только прямое значение, но и символическое, содержит национально-культурные коннотации. С каждым цветом связаны определенные ассоциации, представления о нравственных ценностях.

Мы рассмотрим в данной статье символические значения *красного, белого, черного, жёлтого, зелёного и синего (голубого)* цветов в китайской лингвокультуре.

В китайском языке *красный* – ‘цвет удачи, счастья, любви и жизни’, который помогает защититься от злых сил, именно поэтому он всегда используется в праздничных, торжественных событиях. Так, невеста в день свадьбы надевает *красное платье* (红旗袍), а саму свадьбу называют *красным событием* (红事).

Во время встречи Нового года дом украшается *красными фонариками* (红灯) и китайцы развешивают на дверях добрые пожелания, написанные на *красной бумаге* (贴春联).

Деньги принято дарить в *красном конверте* (红包), даже руководители компаний, выдавая зарплату своим сотрудникам, часто кладут её именно в такие конверты.

Приведем еще несколько примеров:

красное яйцо (红蛋) = яйцо, которое дарят матери новорожденного как пожелание благополучия;

красная няня (红娘) = ‘сваха’.

Вместе с тем, красный цвет имеет и негативное значение. Например: устойчивая ассоциация «*красный конверт*» – «*деньги*» вызвала в последнее время другое переносное значение у словосочетания «*красный конверт*» – ‘*взятка*’. См. такие:

красные глаза (红眼) = так говорят о завистливом человеке.

красное лицо (红脸) = о смущенном или рассерженном человеке.

Красный цвет – политический символ Китая, и, как и для русских, он может ассоциироваться с революцией и коммунистической партией, например: *красная политика* (红色政权), *красная армия* (红军), *красный пролетариат* (红色的无产阶级), *красная звезда* (红星), а также *красная песня* (红歌) = ‘революционная песня’.

Отметим, что под влиянием буддизма в китайский язык вошло выражение *красная пыль* (红尘), которое означает ‘человеческий мир, всё мирское’.

Китайская литература также влияет на язык: выражение *красная наука* (红学) означает 'наука о произведении «Сон в красном тереме»' (红楼梦).

Белый цвет в китайском языке несет как положительное, так и отрицательное значения.

В китайском языке слово **белый** может означать не только 'чистоту', но и 'пустоту', а также все, что связано со смертью и трауром. Белые цветы приносят в дом, где кто-то умер, белый цветок в волосах у женщины также означает, что она в трауре.

В качестве иллюстраций приведем следующие примеры:

белая квартира (白房子) = 'пустая, бедная квартира, в которой мало ценных вещей';

начинать с белых рук (白手起家) = о человеке, который создал что-то на пустом месте;

белая одежда (白衫) = 'простой народ';

белые деньги (白钱) = особые деньги, которые разбрасывают по дороге, по которой везут покойника;

белая еда (白食) = с одной стороны, так говорят о рисе, одном из главных продуктов в китайской кухне, с другой стороны, это выражение означает 'бесплатная еда' и используется для обозначения нахлебников;

белый мусор (白色垃圾) = 'мусор, который долго не разлагается';

белая речь (白话) = с одной стороны, означает 'пустую болтовню', с другой – 'речь правильную, соответствующую нормам грамматики';

белый иероглиф (白字) = 'неправильно написанный иероглиф';

белый лист (白纸) = 'незаполненная анкета или невыполненная экзаменационная работа';

ангел в белой одежде (白衣天使) = 'медсестра';

среди белого дня (白日见鬼) = о чем-то вызвавшем недоумение, удивление;

белые доходы (白色收入) = 'законные доходы';

посмотрел белыми глазами (白眼) = 'посмотрел с недовольством';

Это слово в китайском языке, в отличие от русского, может использоваться с глаголами для характеристики какого-либо действия и в этих случаях имеет значение '*напрасно, зря, безрезультатно*', например, *бело говорил* (白说了) = 'напрасно говорил'; *бело поел* (白唱了) = 'поел, но не возникло ощущения сытости и не появились силы'.

Таким образом, мы видим, что белый цвет в китайском языке имеет как отрицательные, так и положительные коннотации (возможно, под влиянием западной культуры): с одной стороны, он ассоциируется с

трауром, смертью, пустотой и бестактностью, с другой – с чистотой, пониманием, правильностью.

В современном китайском языке слово **черный** (黑) имеет негативное значение. Показательно в этом смысле выражение *отличать черное от белого* ('отличать добро от зла'), где черный цвет ассоциируется со злом, а белый – с добром. Слово **черный** может быть связано с чем-то недобрым, нежелательным, незаконным, нелегальным. Например:

черное сердце (黑心) = о плохом человеке;

черная рука (黑手) = 'человек, который тайно руководит какими-то неблагоприятными делами';

черный человек (黑人) = 'человек без документов';

черная машина (黑车) = 'машина без номерного знака';

черная земля (黑地) = 'незарегистрированный земельный участок';

черный товар (黑货) = 'контрабандный товар';

черные деньги (黑钱) = 'деньги, полученные незаконным, преступным путем';

открыть черный магазин (开黑店) = 'создать торговую точку, где каким-либо образом нарушается закон';

черное общество (黑社会) = 'мафия';

черное письмо (黑信) = 'анонимное письмо';

черный гость (黑客) = 'хакер'.

Выбивается из этого ряда выражение *黑色食物* (*черные продукты*) – так называют продукты с более высокой питательной ценностью.

Некоторые коннотативные значения данного цветообозначения совпадают со значениями в русском языке:

черный список (黑名单) = 'список нежелательных абонентов';

черный рынок (黑市) = 'предоставление нелегальных товаров и услуг';

черная лошадь (黑马) = значение идентично выражению «темная лошадка».

В китайском языке **жёлтая пресса** и **жёлтая книга** понимаются не так, как в русском языке: это порнографическая литература, приводящая людей к разврату, поэтому в Китае такие издания строго запрещены. Таким образом, жёлтый цвет в современной социокультурной ситуации Китая получает второе коннотативное значение: 'секс'. Например: *黄色文化* (*жёлтая культура*) – это значит 'сексуальная культура' [ССКЯ: 572]. *黄片* (*жёлтый фильм*) – это 'фильм о сексе' [Там же]. Связь с сексом и эротикой улавливается и в русском словосочетании *жёлтый билет*, что означало 'паспорт на жёлтом бланке, выдававшийся проституткам в дореволюционное время' [Евгеньева 1957–1984].

Однако жёлтый цвет – это и цвет осени, когда увядают цветы, желтеют листья и трава, так что этот осенний цвет ассоциируется с чувством тревоги, опасения и печали. Не случайно поэтому в Китае, как и во многих других странах, жёлтый цвет является символом, сигналом для предупреждения о чём-нибудь, например, жёлтый свет светофора предупреждает о наступающем прекращении движения; во время футбольных матчей жёлтой карточкой судья предупреждает игрока о грубом нарушении правил игры.

Но жёлтый цвет – это цвет золота. Для китайцев жёлтый цвет символизирует богатство и власть. Китайский император всегда ходил в жёлтой одежде с изображением дракона.

Жёлтый цвет в китайском языке символизирует терпение, мудрость, накопление опыта и власть. Он стимулирует умственную энергию. Жёлтый считается очень благоприятным цветом, так как он так же, как красный, содержит много энергии *ян*. В древние времена в Китае, как уже отмечалось, он считался императорским цветом, так что простые люди не имели права носить одежду жёлтого цвета, и поэтому более популярным в народе стал красный. Жёлтый цвет считается цветом беззаботного счастья, поэтому на праздники принято дарить букеты жёлтых хризантем.

В китайском языке **зелёный** цвет означает ‘натуральный’ и ‘неверный’. Например: никогда не предлагайте китайскому мужчине *зелёную шапку* (绿帽子), т. к., по приметам китайцев, у носящего зелёную шапку неверная жена. И в последнее время китайцы часто используют такие выражения, с которыми ассоциируются натуральные продукты экологически чистые и без химических загрязнений. Например: 绿色食物 (*зелёные продукты*), 绿色蔬菜 (*зелёные овощи*), 绿色农业, 绿色建筑 (*зелёное сельское-хозяйство и зелёное сознание*).

Растительность, особенно лес, имеет большое значение для охраны природы. Растения составляют важнейшую часть экологической среды, необходимой для обитания человека и всего живого на земле. В связи с этим во многих странах мира созданы организации по защите природы, по охране мировой экологической среды. С этой же целью китайский народ ведёт работу по озеленению страны: сажают деревья, создают зоны лесов, строят Великую зелёную стену.

Голубой и **синий** в китайском языке означают ‘цвета неба и моря’. Например, *небо* в китайском языке дословно будет ‘голубое небо’ (蓝天), т. е. первая морфема с цветовым значением ‘голубой’, вторая морфема – это ‘небо’. См. также 青天 (букв. перевод: ‘синее/голубое/зелёное небо’): прямое значение – ‘чистое (ясное) небо’ (образно также о чистоте души или помыслов), переносное значение – ‘честный чиновник’, ‘неподкупный судья’.

Выражение *голубое сельское хозяйство* (蓝色农业) понимается как ‘марикультура’. Здесь слово *голубой* имеет значение ‘море’. Ещё отметим, что в древнем китайском языке отсутствовали слова *голубой* и *синий*, и данные цвета обозначались как ‘ярко-зелёный цвет’.

Отметим, что противопоставленное цветообозначение для *белого* – это *чёрный*. А коннотативным антонимом *белого* является скорее *красный*. Итак, как мы видим, лексика из области цветообозначений не может быть просто переведена на другой язык, её необходимо объяснять с помощью лингвострановедческого и лингвокультурологического комментариев. Причём семантизация должна касаться не только основного, но и переносных значений, чтобы передавался образный смысл.

Каждому народу свойственно отображать в языке вместе с другими фактами реальной жизни и явления природы как значимую в окружающем мире человека сферу объективной действительности.

У разных народов в процессе их культурного развития предметы или явления мира порождают либо одинаковые, либо различные ассоциации. Источники этих ассоциаций могут входить в ядро национальной культуры и являться концептуально значимыми феноменами, следовательно, необходимо изучение их осмысления в культуре и научное описание их закрепления в знаках языка.

Таким образом, цветовой код культуры создает языковую картину мира определённого народа. В заключении отметим, что в дальнейшем при изучении кодов культуры необходимо рассматривать следующие аспекты:

1. **лингвокультурологический** аспект: в фокусе внимания находится культурная семантика, выявляемая с помощью анализа самих языковых единиц и их функционирования с точки зрения стоящих за ними культураносных смыслов;
2. **лингво-когнитивный** аспект: поскольку код культуры формируется в семиотической системе *лингвокультуры*, которая по сути своей является феноменом лингвокогнитивным [Красных 2013: 125].

Литература / References

1. Белоусов П.В. Теоретические основы китайской медицины. Алматы: «Популярная литература», 2004.
2. Гудков Д.Б., Ковинова М.Л. Телесный код русской культуры. М.: «Гнозис», 2007.
3. Евгеньева А.П. Малый академический словарь. М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957–1984. URL: <http://www.enc-dic.com/academic/Zhlt-463/>
4. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. М., 2013. № 1. С. 122–130.
5. Красных В.В. Психолингвокультурология как новое направление научных исследований // Русский язык: исторические судьбы и современность, V Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2014. С. 15–16.

6. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
7. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
9. *Янь Кай.* Цветообозначения с метафорическими значениями как языковой материал в лингвокультурологии // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. Бишкек, 2012. С. 45–47.
10. Словарь современного китайского языка. 6-е изд. Пекин: Деловая пресса, 2012.

ОТ LSP ДО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ДИСКУРСА: ИСТОРИЧЕСКИЙ СРЕЗ

И. А. Забросаева, М. Э. Конурбаев

A HISTORY OF SPECIALIZED DISCOURSE STUDIES: FROM LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES (LSP) TILL COGNITIVE LINGUISTICS

I. A. Zabrosaeva, M. E. Konurbaev

ABSTRACT:

The given article discusses origins and meaning of the term “Language for Specific Purposes”. The paper describes the development of Language for Specific Purposes, its linguistic characteristics and role in the modern linguistics. The article tells about establishment of cognitive science and cognitive linguistics, describes the features of cognitive linguistics and the content of the term “concept”.

Keywords: language for specific purposes; cognitive science; cognitive linguistics; concept

Ключевые слова: язык для специальных целей; когнитивная наука; когнитивная лингвистика; концепт.

LSP: содержание термина

Под терминами «язык для специальных целей», «специальный язык», «ЯСЦ», «LSP» (Language for Specific Purposes – язык для специальных целей, средство коммуникации в рамках определенной профессиональной среды) понимаем «исторически сложившуюся, относительно устойчивую для данного периода автономную экзистенциальную форму национального языка, обладающую своей системой взаимодействующих социолингвистических норм первого и второго уровней, представляющую собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и, преимущественно, специфических лексических средств общенародного языка, обслуживающих речевое общение определенного социума, характеризующегося единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой специальных понятий» [Коровушкин 2005: 12].

На сегодняшний день существует большое количество определений LSP, рассматривающих данное явление с различных точек зрения. Нельзя не упомянуть популярное определение Т. Хатчинсон и А. Уотерс, изучавших язык для специальных целей с позиции преподавания. Исследователи рассматривают LSP как подход к изучению английского языка, где курс обучения нацелен на удовлетворение потребностей обучающихся, изучающих язык с конкретными профессиональными целями. Примечательно, что авторство термина LSP принадлежит именно Т. Хатчинсон и А. Уотерс, которые ввели термин в употребление, впервые используя его в 1987 году в работе «English for Specific Purposes: A Learning-Centered Approach». Данная работа описывает систему разновидностей английского языка для специальных целей (ESP – English for Specific Purposes), где ESP рассматривается как основа для ряда сфер профессионального общения: английский для бизнеса и экономики (EBE – English for Business and Economics) и английский для социальных наук (ESS – English for Social Sciences), включающие английский для медицины (English for Medical Studies), английский для секретарей (English for Secretaries), английский для психологов (English for Psychology) и т.д. Существует также мнение, что понятие языка для специальных целей возникло в США в ходе профессиональной подготовки летчиков-курсантов [Протасова 2003: 67]. До появления термина LSP многие исследователи изучали данное явление, называя сам предмет изучения иначе: функциональные языки [Лейчик 1983], «профессиональная речь» [Гарбовский 1988].

Аббревиатура LSP наиболее популярна как в англоязычной литературе, так и в материалах многочисленных международных научных форумов, что объясняется нынешним статусом английского языка. Сокращенное обозначение LSP утвердилось на страницах издаваемого в Австрии журнала «Fachsprache» и других специальных зарубежных изданий. Данное понятие близко понятию подъязык, появившемуся в отечественной лингвистике в 60-е годы XX века для обозначения совокупности языковых (преимущественно лексических) средств, используемых в текстах одной тематики.

В качестве немецкого эквивалента термина LSP некоторое время использовались понятия *Sondersprache* и *Fachsprache*, значения которых постепенно разошлись. На сегодняшний день термин *Sondersprache* употребляется в немецкой специальной литературе в значении социолекта. Идея о разграничении понятий и терминов *Sondersprache* и *Fachsprache* была озвучена В. Порцигом в 1957 году: исследователь считал, что выделение определенного *Fachsprache* осуществляется в связи с

обособлением предметной области, а *Sondersprache* – в связи с социальными особенностями выделяемой группы носителей [Porzig 1957: 87].

До широкого распространения термина «язык для специальных целей» в русскоязычной научной литературе для обозначения стоящего за ним понятия использовались словосочетания «языки науки и техники» или «подязыки науки и техники». Аналогичные словосочетания имели место и в других языках (ср. фр. *la langue de sciences et des techniques*). Следует отметить, что они являются более неопределенными, нежели термин «язык для специальных целей» [Зяблова 2005: 21].

Научно-техническая революция 70-х годов XX века и активизация информационных процессов сделали многие достижения и открытия прошлых лет всеобщим достоянием. Это коснулось и феномена социально-функциональной стратификации развитых национальных языков. В немецкоязычных странах языки профессионального общения получили название «*Fachsprachen*», в англоязычных – «*Languages for Specific Purposes*», во франкоязычных – «французский язык для определенной науки или области деятельности», например, «*France medicale*», «*France chimie*» и т.д. [Зяблова 2005: 20].

Для обозначения LSP в научной литературе предпринимались попытки ввести термин «специолект» (по аналогии с термином «социолект») [Васильева 1988: 55]), однако широкого распространения он не получил.

Русскоязычный акроним ЯСЦ (эквивалент LSP) не прижился среди специалистов и не имеет широкого распространения. Как считает Н.В. Васильева, непопулярность акронима объясняется его труднопроизносимостью, ввиду чего он оказывается удобным только для оптического восприятия в качестве «так называемой графической аббревиатуры» [Там же: с 69].

Существует большое количество синонимов термина LSP: «профессиональный подязык», «профессиональный диалект», «специальный подязык», «профессиональное арго» и т.д. Такое многообразие связано с различиями между профессиональными языками по ряду параметров: образованность занятых в профессиональном деле лиц, история развития профессии и профессионального сообщества, открытость или закрытость профессионального сообщества и социальный состав профессионалов [Кадыров 2013: 18].

Примечательно, что в русском языке термины «язык для специальных целей» и «специальные языки» используются только для обозначения определенной совокупности языковых явлений. При номинации частных языков компонент «специальный» не используется, т.е. говорят

о «языке физики», «языке экономики», но не о «специальном языке физики» или «специальном языке экономики», что не характерно для других языков (ср. нем. Fachsprache Physik, Fachsprache Linguistik) [Зяблова 2005: 21].

Л. Хоффманн и Р.Г. Пиотровский до возникновения и распространения термина «язык для специальных целей» писали о «подъязыках науки и техники», тем самым приравнивая подъязыки к языкам профессиональной коммуникации [Hoffman 1981; Hoffman 1996; Hoffman 1979; Пименова 2004]. Однако, по мнению А.В. Раздueva, данное утверждение верно лишь частично. Сам А.В. Раздувев рассматривает подъязык как «часть литературного языка, описывающую определенную специализированную предметную область, имеющую лексико-грамматические ограничения, заданные тематически однородной областью функционирования языка и накладываемые ситуацией общения в рамках профессиональной (научно-технической) деятельности» [Раздувев 13: 39].

Л.И. Скворцов под специальными языками понимает социальные диалекты. По утверждению исследователя, специальные языки не могут существовать без непрерывной связи с общим языком. Также, по его мнению, специальные языки являются следствием социальной дифференциации общества по вертикальной линии [цит. по Ретинская 2012: 11]. Следует отметить, что деление и группировка диалектов в «вертикальном» и «горизонтальном» направлениях было предложено И.А. Бодуэном де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963: 91].

Язык для специальных целей «представляет собой высокоспециализированный динамически функционирующий лексический пласт, моделирование которого позволяет упорядочить информационно-коммуникативные отношения, имеющие место в специализированной предметной области, а также построить модель когнитивных структур, реализуемых в данных областях». Благодаря изучению LSP можно глубже понять специфику накопления и передачи научного знания [Раздувев 2013: 50].

А. Szulk считает LSP определенной формой языка, приспособленной для наиболее точного описания конкретной отрасли или техники [Szulk 1984].

LSP может рассматриваться как подъязык, принадлежащий к определенной области коммуникации. Использование языковых и прочих средств конкретного языка зависит от контекста, цели высказывания и коммуникативной ситуации в целом [Lykhina 2011: 50].

По мнению Л. Дрозд, LSP является предметом общей теории терминологии, задача которого – обслуживание потребностей специальной коммуникации. [Дрозд 1979].

Известно, что языки для специальных целей основываются на общенациональных языках, образуя при этом свою систему и системные связи. Некоторыми авторами специальные языки рассматриваются как «ограниченное употребление языка» [Halliday 1969: 77-81; Phal 1968: 61-69].

Н.Б. Гвишиани считает, что признание термина «язык для специальных целей» обусловлено необходимостью обучения специалистов и потребностью международного общения [Гвишиани 1986: 218-219].

История развития LSP и ESP

Возникновение и развитие языков для специальных целей напрямую связано с историей общества. Специализация знаний и создание языков для специальных целей восходят к глубокой древности. Античная наука и искусство являются примерами глубокой специализации знания (например, труды древнегреческих философов Аристотеля, Геракла, Демокрита и т.д.). Специализация профессионального знания впервые произошла в глубокой древности и продолжается на сегодняшний день.

Возникновение различных типов искусственных языков, терминов, знаковых систем и поиск единого международного языка-посредника обусловлены интернационализацией процессов делового общения, ростом объемов финансовой и производственной документации, необходимостью быстрого обмена информацией, новыми техническими средствами связи и новыми способами хранения и передачи информации [Герд 2011: 16].

В начале XX века в лингвистических исследованиях преобладал метод логического анализа (Дж. Мур, Г. Фреге, Л. Витгенштейн, Б. Рассел и др.). Были выдвинуты предположения, что язык обладает совершенной структурой, при помощи которой можно обнаружить структуру реальной действительности. Впоследствии появилась идея о создании логически совершенного языка, который, в отличие от естественного языка, был бы лишен двусмысленностей и мог выражать научную истину. Таким языком оказался LSP, который рассматривался как способ мышления и описания реальности. Объектом изучения LSP стала специальная лексика [Алексеева 2008: 140].

В сравнении с XIX веком, в XX веке международное общение вышло на качественно иной уровень, в связи с чем возникла потребность создания языка, при помощи которого можно было бы легко выразить

мысли и при освоении которого можно было бы избежать сложностей идиоматического порядка. Ввиду того, что ни один из европейских литературных языков не подходил под эти критерии, в 30-е годы был поднят вопрос о создании особой системы наподобие эсперанто, которая стала бы упрощенным вариантом реально существующего языка. Руководствуясь этими требованиями, английские филологи Ч. Огден и И. Ричардс создали систему «Basic English», недостатки которой неоднократно отмечались в специальной литературе [Комарова 2004: 8]. Представители Пражского лингвистического кружка в 30-е годы XX века также предпринимали попытки категориально подойти к описанию функционально-стилистических свойств языковых единиц. В частности, Б. Гавранек отмечал наличие у языковых единиц определенных свойств, присущих им в обычном речупотреблении, и возможности их ограничений или дальнейшего развития. [Навѓánek 1964] Следует отметить, что исследователь выделял язык повседневного общения, технический подъязык, языки науки и поэзии [Дрозд 1979].

Чешский исследователь Л. Дрозд одним из первых упоминает язык для специальных целей в своих научных трудах, называя его функциональным языком и языком в специальной функции [см. Даниленко 1976].

Функционально-стилистические исследования были предвосхищены в работах Г. Суит, М. Уэст и Г. Пальмера, где язык рассматривался как неоднородное явление в функционально-стилистическом плане [Комарова 2004; West 1960; Piaget 1937]. В.М. Лейчик отмечает, что собственно лингвистическое изучение языков науки началось с появления книги английского исследователя Т. Сейвори «Язык науки» [Лейчик 1968: 30].

Академик Л.В. Щерба, оценивая упадок языковой культуры и филологического образования в послереволюционное время, противопоставлял друг другу два по сути различных знания языка. По мнению академика, в дореволюционное время в России имелось достаточное количество людей, изучавших иностранные языки с детства владевших ими на разговорном уровне; с другой стороны, существовала обширная прослойка лиц, способных читать и понимать сложные тексты художественного и специального характера на иностранных языках. Несмотря на то, что представители второй группы далеко не всегда владели устной речью, их знание иностранного языка было намного более глубоким и фундаментальным, чем у тех, кто освоил только разговорный язык. [Щерба 1958]. Можно сделать вывод, что уже в то время исследователи

понимали наличие значительных различий между разговорным и литературным языками [Комарова 2004].

Конец Второй Мировой войны в 1945 году ознаменовал начало небывалого глобального роста науки, техники и экономики в международном масштабе, благодаря чему возникла необходимость в языке международного общения. Ввиду значительного экономического влияния США в послевоенный период и по ряду других причин, таким языком стал английский. Английский язык, наряду с некоторыми другими языками, на сегодняшний день выступает в роли языка-посредника. Языки-посредники необходимы для обмена информацией в различных сферах между странами. [Герд 2011: 14]. В результате появился большой спрос на изучение английского языка, ставшего ключом к международным сделкам (следует отметить, что ранее цели изучения английского языка не были четко сформулированы). Когда английский стал общепринятым языком международного общения в области технологий и торговли, возникло поколение людей, понимающих цели освоения английского языка – людей, которым язык был необходим для развития в профессиональной сфере. Появилась необходимость в разработке методик преподавания английского языка, отвечающих современным запросам. Параллельно возникают новые направления в исследовании языка. Традиционно целью лингвистики считалось описание грамматических правил. Новые направления были сосредоточены на поиске языковых средств, используемых для реального общения. Значимым открытием стало то, что языки письменной и устной речи имеют существенные различия в разных проявлениях. Также было обнаружено, что языки разных отраслей во многом отличаются друг от друга (например, English of Commerce и English of Engineering). Эти идеи легли в основу курсов английского языка для специальных групп обучающихся. Было решено, что если язык различается в зависимости от ситуации общения, можно определить свойства специальных ситуаций и сделать их основой языковых курсов [Hutchinson 1987].

Традиционно лингвистика занималась описанием правил употребления языка. Однако по мере роста потребностей людей в профильно-ориентированном обучении английскому языку в лингвистике появились новые идеи о том, каким образом язык используется в реальном общении. Исследователи пришли к выводу, что устный и письменный языки значительно различаются, причем по-разному в зависимости от контекста [Поляков 2003: 7].

Новый этап в изучении языков для специальных целей приходится на 50-60 годы XX века, когда после многочисленных дискуссий была

создана целостная теория о функциональных стилях. Отечественными исследователями того времени поднимались различные теоретические вопросы: определение понятия «стиль» и других основных понятий и категорий стилистики, выявление принципа классификации стилей, соотношение лингвистического и экстралингвистического, культуры речи и стилистики, функциональных разновидностей языка и речи, связь между этими разновидностями и формой речи (устной и письменной), место художественного стиля и разговорной речи в стилистической системе и т.д. Эти вопросы рассматриваются в трудах О.С. Ахмановой, В.В. Виноградова, Т.Г. Винокур, Р.А. Будагова, Е.М. Галкиной-Федорук, А.И. Ефимова, М.Н. Кожинной, В.Г. Костомарова, Э.Г. Ризель, О.Б. Сиротининой, Ю.С. Сорокиной, Г.В. Степанова и др. [Комарова 2004: 6]. Общая черта вышеупомянутых исследований в том, что, несмотря на широкий охват и глубокую теоретическую проработку, инвариантные и варианты признаки функциональных стилей не были полностью выявлены и исследованы. Внимание лингвистов главным образом было направлено на периферийные признаки стиля (в особенности грамматические характеристики), не затрагивая проблемы речеупотребления слов и ограничения или актуализации их семантических свойств в пределах одного регистра [Комарова 2004: 7].

С 1960-х годов исследование LSP происходило в несколько стадий. Первоначально целью исследователей было осмысление лексического уровня и терминологии, что привело к созданию специализированной литературы и словарей профессиональной тематики. Позже внимание исследователей переключилось на синтаксическую структуру текстов LSP, модели построения предложений и морфологические особенности [Антипова].

Начиная с 1970-х годов, значительная часть исследований в области LSP была направлена на описание его современного употребления и выявление особенностей специальной коммуникации на различных языковых уровнях [Хомутова 2008: 104].

В России традиции функциональной стилистики, развиваемые отечественной наукой, легли в основу нового направления лингвистики – теории языка для специальных целей. Теоретические и методические предпосылки подобного рода были предвосхищены в работах В.В. Виноградова, О.С. Ахмановой, Р.А. Будагова и др.

Во второй половине XX века изучение LSP перешло на новый уровень, сконцентрировавшись по большей части на английском языке (ESP – English for Specific Purposes), в результате чего ESP получил

широкое признание в международной науке и постепенно стал языком глобального общения в процессе межкультурной коммуникации.

У истоков направления ESP стоят Питер Стрвенс, Джек Ивер, Джон Уэллс и др. Датой рождения английского языка для профессионального общения принято считать 1962 год, когда была выдвинута теория, согласно которой английский язык различается в зависимости от содержания передаваемой информации, в связи с чем можно выделить определенные формальные характеристики, отличающие дискурс и язык специалистов различных сфер профессиональной деятельности [Ивинских 2008: 181].

Изначально толчком для развития ESP послужили исследования анализа регистра, изучающие грамматику научных и технических текстов. Среди направлений, тесно связанных с ESP, отмечаются «Register Analysis» (анализ регистра), «Rhetorical and Discourse Analysis» (риторический и дискурсивный анализ), «Analysis of Study Skills» (анализ исследовательских умений), «Analysis of Learning Needs» (анализ потребностей в обучении) [Dudley-Evans 1998: 20].

В конце 1960-х – начале 1970-х произошел значительный прорыв в исследовании природы различных видов английского языка: в частности, были описаны письменные научный и технический языки [Ewer 1969; Swales 1971; Selinker 1976]. Большая часть работ того периода была посвящена EST (English of Science and Technology - английский язык науки и техники), а термины ESP и EST считались практически синонимичными. Приобрела популярность теория о том, что особенности английского языка, необходимого конкретной группе людей, могут быть определены при помощи анализа лингвистических характеристик отрасли, в которой они заняты [Hutchinson 1987]. Также было проведено множество исследований особенностей некоторых разновидностей английского языка: в частности, описание письменного английского языка научно-технической сферы [Sweet 1913] и анализ общения между врачом и пациентом [Candlin 1977].

Как считает Дж. Скрайвенер, в состав ESP входят EAP (English for Academic Purposes), EPP (English for Professional Purposes), EFB (English for Business) [Swales 1971]. А.В. Раздубев в равной степени выделяет ESP, EAP и EGP, приравнивая английский язык для профессиональных целей и английский язык для специальных целей [Раздубев 2013: 44]. По мнению Л. Кепп, вместо привычного разделения английского языка на ESP и General English, целесообразнее использовать следующую классификацию: English for Social Purposes (или General English), English for Academic Purposes, English for Occupational Purposes. Л. Кепп отмечает,

что при изучении ESP необходимо также уделять внимание General English [Kerr 1977: 12].

Несмотря на то, что LSP и LGP (Language for General Purposes) тесно взаимосвязаны, они используются в различных ситуациях и рассматриваются как самостоятельные категории. LSP – язык, «функционирующий в среде профессионального общения, когда у говорящих возникает необходимость прибегать к специальному языку» [Кадыров 2013: 16]. Определить, как соотносятся LSP и LGP достаточно проблематично. По мнению Hoffmann, практически невозможно определить объем так называемой общей лексики и дать полный список ее составляющих или определить принадлежность каждого слова языка к общей лексике. [Hoffman, цит. по Lykhina 2011: 50]

Т. Хатчинсон и А. Уотерс считают, что существенное влияние на развитие ESP оказали окончание Второй мировой войны и нефтяной кризис 1970-х г.г. Также, по мнению исследователей, на развитие ESP в значительной мере повлияла революция в лингвистике: в результате смены формальной парадигмы на функциональную внимание лингвистов сместилось с формальных характеристик языков на ситуативные контексты коммуникации. Помимо этого, на развитие LSP также повлияло создание и внедрение новых методов обучения, направленных на удовлетворение индивидуальных потребностей обучающихся [Hutchinson 1987].

В каждой стране английский язык для специальных целей развивался с индивидуальной скоростью, однако Т. Хатчинсон и А. Уотерс выделяют пять этапов развития ESP, представленных пятью подходами [Там же].

Первый подход развития ESP относится к 1960-м и началу 1970-х годов и представлен работами Peter Strevens [Halliday 1964], Jack Ewer [Ewer 1969] и John Swales [Swales 1971]. Данный подход базируется на данных анализа регистра. Основываясь на том, что LSP конкретной сферы представляет собой определенный регистр, целью анализа стала идентификация его грамматических или лексических особенностей. В центре внимания оказался язык на уровне предложения. В частности, исследователи Ewer и Latorre в результате проведенного ими анализа регистра определили, что наиболее частотными являются такие формы, как Present Simple, страдательный залог и сложные существительные. Основной целью исследователей было создание курса профильно-ориентированного обучения английскому языку, соответствующего потребностям обучающихся. В разрабатываемых учебных программах основное внимание уделялось языковым формам, которые необходимы

обучающимся при изучении дисциплин специальности; второстепенное внимание уделялось формам, которые обучающимся вряд ли понадобятся [Поляков 2003: 11].

Второй подход характеризуется вовлечением ESP в отрасль дискурса или риторического анализа и основывается на данных анализа дискурса. Основоположниками в данном направлении стали Henry Widdowson, Washington School of Larry Selinker, Louis Trimble, John Lackstrom, Mary Todd-Trimble. Целью исследований было определение организационных составляющих в тексте и определение лингвистических средств, которые обозначали эти составляющие. Требовалось выявить, каким образом дискурс сочетает в себе предложения для передачи смысла. Проводимые исследования были направлены на выявление моделей организации текстов и установлении характерных для них лингвистических средств, положенных в основу программ. Появилось предположение о различии риторической структуры текстов разных направленностей, однако этот вопрос не был детально изучен [Поляков 2003: 11].

Целью *третьего подхода* стало применение существующих знаний в «более научном направлении», т.е. создание методик для языкового анализа, в основу которых лег анализ ситуативного использования языка (или анализ потребностей). Данный подход не дал никаких новых знаний об ESP. Появилось новое понятие – «needs analysis» или «target situation analysis», обозначающее выявление целевых ситуаций и осуществление строгого анализа лингвистических особенностей данных ситуаций. Наиболее полное объяснение анализа ситуативного использования языка представлено в изложенной Джоном Манби системе, описывающей потребности обучающихся в плане коммуникативных целей, коммуникативных установок, средств общения, языковых умений, функций, структур и т.д. [Munby 1978].

Четвертый подход направлен на развитие языковых навыков и стратегий. Прослеживается попытка изучить не только сам язык, но и мыслительные процессы, лежащие в основе его использования. Активно развивается «skill-centered approach» на основе идеи, что использование языка основано на единых процессах аргументации и интерпретации, благодаря которым можно извлечь значение из дискурса независимо от внешних форм. В центре внимания оказываются мыслительные процессы, лежащие в основе использования языков. Значительная часть работ данного периода посвящена навыкам и стратегиям чтения [Grellet 1981; Nuttall 1982; Alderson 1984].

В результате исследователи приходят к выводу, что намного результативнее сосредоточиться на стратегиях, лежащих в основе владения языком (угадывание значения слов из контекста, определение типа текста по внешним признакам, узнавание слов по сходству со словами родного языка), не уделяя много внимания внешним формам языка. При этом особенности регистра не учитываются, поскольку считается, что процессы, содержащиеся в основе использования языка, универсальны для всех регистров.

Пятый подход («learning-centered approach») основан на обучении. На сегодняшний день внимание исследователей привлекает само изучение языка, в отличие от предыдущих подходов, построенных по большей части на описании использования языка. Описание внешних форм языка и лежащих в основе его использования процессов остаются важны для определения задач курса английского языка, но это не помогает учащимся в освоении языка как такового. [ср. Поляков 2003; 13]

В отечественной лингвистике изучение LSP осуществляется в рамках научного стиля. Исследователи рассматривают LSP как одну из разновидностей языка. При рассмотрении LSP в рамках научного стиля помимо анализа морфологического состава изучаются также морфологические особенности, синтаксическая структура и многожанровость.

На сегодняшний день развитие теории LSP происходит в двух направлениях: лингвистическом (функциональный подход к изучению языка как системно-структурного образования) и дидактическом (методы обучения LSP). [Хомутова 2008: 98]. Если в 60-е годы LSP противопоставлялся языку для общих целей, то сейчас он рассматривается как совокупность языковых средств, используемых в устных и письменных текстах.

Роль и функции LSP в современной лингвистике

Любая специальная сфера обслуживается языком и без общения людей (без языка для специальных целей в частности) существовать не может. Понятие искусственного языка формировалось постепенно. Символические языки науки служат для презентации и использования знаний в соответствующих предметных областях. Термин «язык для специальных целей» зачастую используется для обозначения языка науки, техники и делового общения. LSP характеризует социально обусловленная противопоставленность литературному стандартному языку. Язык для специальных целей, наряду с выполнением основной функции любого языка – служить средством общения передачи информации, имеет также две главные функции: 1. функцию обозначения, именован-

ния узкоспециальных профессиональных понятий (предметов, признаков, действий, процессов); 2. функцию особого наименования общеизвестных понятий, которым через особое значение придается повышенная выразительность. Общим признаком специализированных искусственных языков (в том числе LSP) является формальный метод описания путем задания алфавита (словаря), правил образования и преобразования выражений и семантики [Герд 2011: 8-9].

Язык для специальных целей как одна из функциональных разновидностей высокоразвитого литературного языка выполняет его наиболее значимые функции: эпистемическую (отражение действительности и хранение знания), когнитивную (получение нового знания о действительности), коммуникативную (передача специальной информации) [Кадыров 2013: 4]. Основные функции LSP – описание концептуальной и языковой картины данной области знания, осуществление профессиональной нормированности и адекватности лексических средств, хранение терминологий, номенклатур, специальных речевых оборотов и синтаксических конструкций. Профессиональный язык является средством общения специалистов определенной отрасли знаний и деятельности. Спецификой данного языка является междисциплинарность, концептуальная интеграция многих сфер деятельности, науки и образования [Дмитриева 2010: 71].

Использование LSP для общения обусловлено общественно-исторической необходимостью. Языки для специальных целей появились в результате исторического разделения труда. Разделение труда повлекло за собой возникновение специального знания, которым владеют специалисты конкретной области знания. Профессиональные языки возникают вследствие выделения в обществе профессиональных групп. По функциональной и структурной направленности специальный язык в конкретных условиях реализации относительно легко расслаивается на отдельные профессиональные разновидности. Каждая профессиональная разновидность включает в себя язык науки и язык практики (профессиональный разговорный язык) [Анненкова 2012: 14].

Анализ, исследование и преподавание LSP можно назвать одним из приоритетных направлений в отечественной и зарубежной лингвистике и методике преподавания иностранных языков, популярность которого стремительно возрастает. Актуальность данного направления отмечала еще несколько десятилетий назад О.С. Ахманова [Ахманова 1973].

LSP – междисциплинарное явление, затрагивающее не только функциональную стилистику, но и психологию, методику преподавания и другие дисциплины [Антипова]. Основной задачей языка для специаль-

ных целей является передача объективной научной информации о природе, человеке и обществе [Кадыров 2013: 20].

Язык для специальных целей, в отличие от иных типов языковых состояний, по большей части формируется и поддерживается сознательно. Примечательно, что история языка для специальных целей не может быть изучена без информации о развитии аналогичного предметного отраслевого языка в других странах. [Герд 2011: 18]. Появление и распространение языков для специальных целей в значительной мере отразилось на интеллектуализации современных развитых национальных языков [Скворцов 1981].

По мнению Т.Б. Крючковой, различные LSP возникают в результате наложения профессионального варианта (в сочетании с возрастными, гендерными и, вероятно, некоторыми другими возможностями) на письменную форму литературного языка [Крючкова 2007: 29].

Языки для специальных целей обслуживают специальные сферы общественных отношений, противопоставляемые неспециальным (бытовой сфере, сфере семейных отношений, сфере отдыха человека) [Лейчик 1986: 31]. К специальным сферам относятся сфера производства, производственная инфраструктура, сфера управления, сфера политической надстройки, сфера здравоохранения, сфера спорта, сфера науки (очень разветвленная сфера, внутри которой выделяются философские, методологические, комплексные, естественные, технические, общественные науки) и т.д. [Кедров 1980].

LSP используется для описания специальной области знания и предсказания перспектив ее развития, способствует представлению концептуальной и языковой картины какой-либо области знаний и осуществлению нормирования употребления языковых средств [Langacker 1998].

В современном обществе языки для специальных целей существуют и функционируют в качестве одной из форм национального языка или одного из типов языковых состояний [Герд 2011: 11].

Невозможно исследовать LSP, руководствуясь только лингвистической интерпретацией этого понятия, т.к. данное явление представляет собой единство специальных знаний в определенной области и способов их репрезентации в языке. Исследование LSP – это изучение корреляций между структурами специального знания и структурами языка [Новодранова 2005: 139].

М.В. Лейчик предлагает *три классификации языков для специальных целей*: функциональную, социолингвистическую и структурную. *Функциональная классификация* показывает, для какой цели предназначен язык и какой вид общественных отношений он обслуживает. Перечень

языков для специальных целей в данной классификации является объемным и постоянно растущим. *Социолингвистическая классификация* выявляет, какую социальную, возрастную или профессиональную группу обслуживает язык. Сферы применения языков для специальных целей определяются социальной иерархией в определенный период в рамках определенной социально-экономической формации. *Структурная классификация* показывает, какая лексика, морфология и синтаксис составляют LSP. [Лейчик 1986: 32].

Зачастую с позиции стилистики языки для специальных целей рассматриваются как один из функциональных стилей наряду с научным, разговорным, книжным, просторечным и фамильярным стилями.

Язык для специальных целей нельзя назвать языком в полной мере: вокабуляр, входящий в его состав, охватывает только ряд определенных, относящихся к профессиональной деятельности и наиболее актуальных непрофессиональных сфер, связанных с обеспечением жизнедеятельности. LSP является полифункциональной системой языка, выполняющей следующие функции: эпистемическую (отражение действительности и хранение знаний), когнитивную (получение нового знания о действительности), коммуникативную (передача специальной информации) [Солнышкина 2005: 77-78].

На сегодняшний день существует большое количество связанных с LSP проблем, ввиду неразрешенности которых границы языка для специальных целей остаются нечеткими и неопределенными. Среди них определение места языка в современном обществе, объяснение причин быстрого увеличения количества слов специальной лексики, анализ места и роли LSP в структуре языка и т.д. [Петрашова].

Существует несколько вариантов рассмотрения LSP относительно его места в языке: 1. LSP в составе общего литературного языка в качестве одного из функциональных стилей; 2. LSP как общая языковая структура в составе национального языка на правах автономной подсистемы; 3. LSP как неотъемлемый фрагмент национального языка. Определение языка для специальных целей связано с тем, рассматривается ли он как независимая система или как элемент на периферии естественного языка [Раздубев 2013: 45].

По причине своего функционирования в специальной коммуникативной сфере, языки для специальных целей не имеют общего употребления, не распространяются по всей территории страны и не проникают в другие классы общества [Havranek 1929: 14; Дрозд 1979]. Ограниченное использование LSP объясняется потребностями специальной коммуникации и монофункциональностью.

Язык для специальных целей практически реализуется в устных и письменных текстах профессиональной коммуникативной сферы, содержащих систематизированное определенное специальное знание.

П. Стревенс выделяет 4 постоянные характеристики и 2 переменные характеристики ESP в контексте преподавания английского языка для специальных целей.

Постоянные характеристики: 1. ESP создается для удовлетворения потребностей обучающихся; 2. по содержанию относится к определенной науке или роду деятельности; 3. базируется на синтаксисе, лексике, дискурсе и семантике языка, приемлемых для определенного рода деятельности; 4. противопоставляется General English.

Переменные характеристики: 1. ESP может быть ограничен только одним видом деятельности (например, письмо или чтение); 2. не может преподаваться по старым методикам [Dudley-Evans 1998: 3].

Т. Дадли-Эванс в свою очередь выделяет 3 постоянные и 4 переменные характеристики ESP касаясь преподавания английского языка для специальных целей.

Постоянные характеристики: 1. ESP ориентирован на удовлетворение потребностей обучающихся; 2. для преподавания используется методика и упражнения лежащего в основе предмета; 3. в основе лежит сам язык (грамматика, лексика, регистр), умения, дискурс и жанры, уместные для данной специальной отрасли.

Переменные характеристики: 1. ESP может относиться к определенной дисциплине; 2. в определенных условиях может использоваться методика преподавания, отличающаяся от стандартной методики преподавания английского языка; 3. ESP ориентирован на взрослых учеников, но может применяться и для учеников старших классов; 4. ESP ориентирован на учеников со средним или высоким уровнем владения языком [Dudley-Evans 1998: 4].

Суммируя различные дефиниции языка для специальных целей, О.А. Зяблова выделяет следующие признаки специальных языков: 1. соотнесенность с определенной предметной областью; 2. специфический круг пользователей; 3. ограниченное по сравнению с общим языком число функций; 4. большая точность; 5. базирование на системе общенационального языка.

Специфика LSP обусловлена многоуровневой структурой его составляющих. Исследование LSP в отечественной лингвистике в рамках научного стиля включает в себя анализ лексического состава, исследование морфологических особенностей LSP, его синтаксической структуры и многожанровости [Анненкова 2012].

Л. Хоффман, Р.Г. Пиотровский [Hoffman 1979: 96] и некоторые другие авторы квалифицируют в качестве подязыков языки для специальных целей.

Ввиду того, что LSP охватывает достаточно широкий круг разнообразных объектов, предпринимались многочисленные попытки их классификации, которая велась в двух направлениях: вертикальном и горизонтальном. Э.Вюстер предложил горизонтальную классификацию, согласно которой языки для специальных целей делятся в соответствии с предметом и областью описываемых ими знаний. Таким образом, выделяются язык физики, язык педагогики и т.д. [Wuster 1969: 23-27]. Горизонтальная классификация достаточно проста, однако при ее применении возникают трудности, связанные с постоянным возникновением новых пограничных дисциплин, языки которых в период своего становления не имеют своего специфического словаря.

Вертикальные классификации базируются на языках естественных наук и техники. (Л. Макензен, Х. Ишрайт и т.д.). Также предпринимались попытки вертикального членения языков гуманитарных наук и других видов деятельности (Х. Вагнер, Х. Мюллер-Тохретманн).

Рассуждая о количестве языков для специальных целей, Зяблова О.А. высказывает предположение о невозможности назвать точную цифру, так как данная система является открытой ввиду постоянного возникновения новых отраслей знаний [Зяблова 2005: 26].

Обычно LSP рассматривается «не как самостоятельный язык, а как один из типов подязыков, приспособленных для специальной коммуникации в области науки и техники» [Суперанская 1989: 64]. Это объясняется тем, что традиционно лексика национального языка делится на общую лексику и лексику языка для специальных целей. В первую группу включена совокупность знаков, не относящихся к профессиональным, но которые могут быть включены в них. Общая лексика занимает центральное положение, в то время как специальная – периферийное.

Большая часть лексики LGP используется в специализированных значениях для LSP [Кагорова 2007], что говорит о взаимопроникновении форм языка – языка для общих и языка для специальных целей.

На сегодняшний день анализ LSP проводится по широкому спектру направлений.

LSP имеет три измерения: подязык (предметная область), функциональный стиль (сфера деятельности) и ситуацию общения (участниками коммуникации являются специалисты в данной предметной области) [Хомутова 2008: 105].

Языки для специальных целей классифицируются по вневингвистическим и языковым признакам. По лингвистическим критериям выделяются следующие типы языков для специальных целей:

По отношению к системе языка: 1. языки, обладающие своей особой системой, как в грамматике, так и в лексике (латинский язык и эсперанто как языки международного общения, языки программистов); 2. языки, имеющие особую систему только в лексике (большинство языков науки, техники); 3. языки, обладающие особой системой в синтаксисе (большинство ЯСЦ); 4. языки смешанного типа, обладающие зачастую своей особой системой в лексике и частично в грамматике (языки химии, биологии); 5. языки, сохраняющие развитую морфологию стандартного литературного языка (языки гуманитарных наук); 5. языки с рудиментарной, остаточной морфологией (языки естественных наук) [Герд 2011: 8-9].

По отношению к семантике: 1. языки с жесткой или относительно строгой иерархической семантической структурой, включая и однозначность слов (все языки науки, техники); 2. языки с размытой, диффузной семантической структурой в сфере непредметной лексики (групповые жаргоны); 3. языки с развитой синонимией (частично языки науки и техники, жаргоны, арго) [Там же: 10].

По отношению к стилистической окраске, к коннотации: 1. языки, обладающие яркой экспрессивностью, эмоциональностью в лексике, фразеологии, синтаксисе (групповые жаргоны); 2. языки с нейтральной, нулевой экспрессивностью в лексике (языки науки, техники, делового общения).

Каждый человек в обществе включен в коммуникативное пространство передачи мыслей, сообщений и информации, которое делится на коммуникативные сферы (сфера профессионального общения, официально-публичного общения и т.д.). Коммуникативные сферы делятся на ситуации разных уровней, каждая из которых подразделяется на большее количество частных коммуникативно-речевых ситуаций [Там же: 11]. С коммуникативной точки зрения специальные цели появляются в случае, если у индивидов определенных групп возникает потребность в особом наименовании определенных понятий, разработке целостных понятийных систем, не имеющих место в общем языке. Таким образом, появляются коммуникативно-замкнутые сферы общения и, как результат, социально ограниченные группы индивидов, куда относятся группы узко-профессионального общения, группы специалистов, представителей разных наук, отраслей знания и сфер практической деятельности (в том числе горного дела) [Герд 2011: 12].

Различные группы, в зависимости от характера профессий, занятий и целей, создают особое специальное знание.

Существует деление языков для специальных целей по внелингвистическим основаниям: 1. по предметному содержанию (язык химии, биологии, деловой сферы); 2. по характеристике носителей языка а) по возрасту б) по полу в) по профессиональной, социальной и групповой принадлежности (язык ученых, язык рабочих разных специальностей) [Там же: 13].

Подобно иным формам языковых состояний, язык для специальных целей имеет устную и письменную формы. Профессиональными языками называют языки научного и технического устного общения (язык врачей, летчиков).

Тенденции политического и экономического развития оказывают значительное влияние на функционирование языков для специальных целей.

Языки для специальных целей могут возникать на основе естественного национального общенародного языка (язык биологии) или создаваться искусственно (язык программирования) [Герд 2011: 19]. Для возникновения LSP необходим ряд условий: 1. наличие в стране разных форм образования с преподаванием на официальном государственном языке; 2. наличие научных и технических кадров, ведущих работу в данной области знания; 3. наличие структурных организационных форм, в которых ведутся разработки в данной отрасли; 4. достаточно интенсивные формы международного обмена информацией; 5. наличие переводчиков и переводов с других языков; 6. заинтересованность государства в развитии отрасли; 7. наличие литературного языка. [Там же: 20]

На сегодняшний день в лингвистике нет единой точки зрения касательно внутренней структуры и содержания LSP. Не изучено соотношение LSP с другими близкими понятиями, не определено место LSP в системе современной лингвистики [Хомутова 2008: 96].

Ввиду того, что коммуникативная функция первостепенна для языка для специальных целей, наиболее существенным аспектом является информация (т.е. важно то, насколько информативно сообщение, представленное с использованием подязыка). Недавние исследования LSP показали, что прагматический аспект языка для специальных целей зависит от индивидуальных особенностей слушателя и его социального и образовательного статуса [Averbukh 2011: 16].

Для определения и изучения LSP недостаточно руководствоваться только лингвистической интерпретацией данного концепта. LSP суще-

ствует в тесной связи со специальным знанием в определенной области и реперзентативными языковыми средствами. Исследование LSP – это изучение взаимосвязи структуры специального знания и структуры языка [Novodranova 2009: 70].

Языковые характеристики LSP

Языковые характеристики LSP рассматриваются во многих работах западных и отечественных ученых. Для осуществления вербализации профессионального знания язык для специальных целей должен обладать соответствующими лексико-семантическими средствами, благодаря которым можно «адекватно передать существо всех основных категорий и понятий науки, техники и других областей профессиональной деятельности» [Анненкова 2012: 14].

Помимо лингвистических единиц, специальный язык содержит богатый набор средств выражения в сфере специальной лексики, в основе которого лежат различные вербальные средства: слова, словосочетания, фразеологические единицы и т.д. [Там же].

Для понимания профессиональных текстов на иностранном языке крайне важны экстралингвистические факторы, связанные со специальной предметной областью знания. В профессиональных текстах широко распространены термины, сложные научные понятия, своеобразный лаконичный стиль изложения, опирающийся на знания, уже известные специалистам [Благодарная 2004: 17].

Профессиональная коммуникация осуществляется людьми, и потому не может ограничиваться только использованием терминов, обладающих строгой однозначностью и отсутствием коннотативной окрашенности. Различные ситуации могут вызвать появление эмоционально окрашенных эквивалентов терминов, не обладающих стилистической нейтральностью. На профессиональное общение влияют не только стилистические, но и социальные и ситуативные условия их использования [Акимова].

Ввиду отсутствия художественных приемов, характерных для литературного языка, можно говорить о бедности LSP касательно выразительных средств, что объясняется их ненужностью. Жанры, в которых используется LSP, значительно отличаются от жанров литературного языка в целом и языка литературных произведений в частности.

Одним из наиболее общих признаков всех LSP является наличие в их лексике номинативных единиц – названий объектов, с которыми работает человек в специальных сферах. Номинативные единицы LSP обозначают научные и технические (шире - специальные) понятия. В язы-

ках для специальных целей встречаются три основных номинативных класса: имена нарицательные (для обозначения общих понятий), номенклатурные единицы (для обозначения частных понятий) и имена собственные (для обозначения индивидуальных понятий) [Лейчик 1982].

Существенным признаком языков для специальных целей, в особенности языков науки, техники и экономики является признак унифицированности. Зачастую этот признак доведен до унификации, т.е. закрепления определенных лексических единиц за нормативно-техническим документом и их обязательное использование в определенных жанрах литературы на протяжении определенного отрезка времени. Унификация служит для того, чтобы одни и те же термины или научные и технические обозначения понимались одинаково, что применимо и к полным вариантам терминов, и к их сокращенным формам [Лейчик 1986: 35].

Некоторые лексические единицы встречаются только в единичных LSP. К таким лексическим единицам, характерным для LSP и нераспространенным в языке для повседневного общения, относятся профессионализмы и элементы жаргонов, которые становятся научными и техническими терминами или их эквивалентами и используемые по большей части для устного профессионального общения [Там же].

Морфемы (части слов) берутся в LSP из перечня морфем естественных языков, однако принципы их использования имеют свои особенности. Например, для LSP характерна специализация морфем – закрепление их в определенных сферах для обозначения конкретных понятий. По сравнению с прочими разновидностями национальных языков, в LSP достаточно широко применяются иноязычные морфемы [Лейчик 1986: 36].

Способы словообразования в LSP базируются на способах, характерных для национальных языков. Специфика состоит по большей части в процентном соотношении словообразовательных способов. Для LSP характерен модульный способ, при котором лексические единицы являются результатом соединения нескольких морфем, которые переходят из слова в слово, имея постоянную форму и значение, известные определенному кругу специалистов. [Лейчик 1983].

Большое количество современных терминов имеют форму словосочетания разной степени устойчивости, при этом в каждом LSP образуются и закрепляются свои типы словосочетаний [Лейчик 1986: 37].

Языки для специальных целей черпают выражения из национального языка, приспособляя их для выполнения определенных функций; при этом «язык повседневного общения» также заимствует из LSP устойчи-

вые конструкции, которые при заимствовании утрачивают специальный характер [Лейчик 1986: 38]. Следует отметить, что обязательным условием выделения какого-либо LSP является наличие специфических текстов [Там же: 39].

Отмечается особый характер построения предложений и синтаксис LSP. Синтаксическая система языков для специальных целей в некоторой степени редуцирована и видоизменена по сравнению с языком в целом. Осуществление функции LSP (эффективной профессиональной деятельности) ведет к сокращению объема, сжатию информации и увеличению скорости ее передачи [Раздубов 2013: 42]. Австрийский исследователь Е. Вюстер в качестве характеристик LSP выделяет нормативность, однозначную соотнесенность между сущностью понятия и ее языковой реализацией, стандартизованность, иерархизированность, обезличенность [Wuster 1974; Wuster 1976].

Как считает Дж. Трим, LSP необходимо рассматривать как язык, «присоединяющий специальный словарь к тому слою языка, который составляет его общее ядро и остается неизменным вне зависимости от социальной или профессиональной роли говорящего [цит. по Раздубов 2013: 43]. Несмотря на то, что значительная часть языковых средств, составляющих LSP, является терминологической, помимо специальной лексики в язык для специальных целей включены и другие общеупотребительные элементы.

Л. Хоффманн [Hoffman 1979] и Х. Сейджер [Sager 1981: 196] говорят об ограниченном использовании LSP в определенной сфере коммуникации. Большинство LSP являются полуавтономными, т.е. имеют собственную целостную структуру и границы, одновременно находясь в определенной зависимости от языка в целом [Раздубов 2013: 41].

Язык для специальных целей отличается от языка в целом прежде всего наличием специальных лексических подсистем [Массалина 2009: 22]. Лексический корпус LSP служит для получения, хранения и передачи специального знания и обеспечения коммуникации в профессиональной сфере [Раздубов 2013: 78].

LSP используется для специальной коммуникации между специалистами-профессионалами в конкретной предметной области. Язык для специальных целей является специфической разновидностью «языка в целом», которая используется при общении на определенную специальную тему. Для LSP-текстов характерна определенная понятийная направленность и общие особенности языковой организации. Язык для специальных целей характеризуется высокой степенью неоднородности

и распадается на функционально-стилистические разновидности [Комарова 2004: 5].

Функционирование языка для специальных целей в различных формах и ситуациях напрямую зависит от общих проблем этнолингвистики. Актуально знание о том, обладает ли данный этнос языком науки, что это за язык, какие группы этноса используют его, в какой степени и в какой ситуации общения используется этот язык [Герд 2011: 14].

Главными для LSP являются профессиональная нормированность и адекватность лексических средств передаваемым понятиям [Дмитриева 2010: 32]. Каждый LSP обслуживает свою сферу человеческой деятельности. Главное место в LSP занимает терминологическая лексика. Терминология каждой отрасли имеет системную организацию соответственно системным понятиям науки, которую она обслуживает. Немаловажно, что при этом не существует общепринятого определения понятия «термин» [Там же: 36]. Как считает М.В. Лейчик, невозможно сформулировать общепринятое определение термина, так как он является объектом целого ряда наук, где каждая наука выделяет в термине характерные для данной науки признаки [Лейчик 1986].

В основе любого LSP лежит специальная лексика. На западе существует тенденция рассматривать LSP как некий фрагмент национального языка, включающий в себя терминологию, номенклатуры и наиболее типичные обороты речи. Исследование лексики языка для специальных целей не ограничивается терминологией: несмотря на большой объем терминологической лексики, LSP также содержит большое количество повсеместно встречающихся слов, которые нельзя назвать специальными [Sager 1990].

Помимо терминологии, словарный состав LSP включает в себя систему выразительных средств, характерных для определенной сферы общения, которая в свою очередь содержит несколько пластов лексики. Стилистическая нейтральность подобной лексики обеспечивает ее использование в различных ситуациях: формальных или неформальных, в письменной или устной речи. Сюда относятся слова, обозначающие понятия и явления, используемые в повседневной жизни: *child, red, difficult, to go, etc.* Нейтральная лексика образует основной словарный состав и составляет центральную группу любого естественного языка и потому куда более стабильна, чем другие пласты лексики; отличается отсутствием коннотаций и дополнительных значений. Значение такой лексики широкое, обобщенное и отражает идею без дополнительной информации [Гумовская 2008: 28]. В профессиональной коммуникации также участвуют профессионализмы, номенклатурные единицы и не-

терминологическая лексика (т.е. слова общенационального языка). При этом слова нетерминологического характера при употреблении в структуре нескольких словных терминов терминологизируются и приобретают терминологический статус [Новодранова 2005: 465].

Весь словарный состав любого LSP составляет семантическое поле, образующееся на основании концептов, лежащих в значении слов. Под термином «семантическое поле» понимается узкий сектор лексики, объединенный общим концептом. Составляющие семантического поля не являются синонимами: они связаны друг с другом общим семантическим компонентом (например, концепт цвета, медицины, и т.д.) [Гумовская 2008: 29].

К объектам изучения языков для специальных целей относятся не только термины, но также: 1. тексты, функционирующие в определенной отрасли знания или в деловой сфере; 2. структура текстов; 3) лексика, морфология, синтаксис текстов; 4. знаки языков для специальных целей [Герд 2011: 10].

Лексический состав специальных языков не отличается большой специфичностью: ввиду того, что языки для специальных целей постоянно взаимодействуют с общеупотребительным языком, граница между специальной и не специальной лексикой достаточно подвижна. [Васильева 1988: 107].

LSP традиционно связывают с наличием в составе специальной терминологии и с различающейся социальной и профессиональной терминологией в структуре сопоставляемых подязыков [Адвербух 2004]. С собственно языковой точки зрения язык для специальных целей определенной отрасли знания нуждается в достаточно развитой специальной терминологии, синтаксических средств выражения отношений между понятиями, выработке общих требований к структуре и стилю специальных целей. Даже существующие и функционирующие на основе английского языка языки для специальных целей не полностью сформированы: отсутствуют термины для новых понятий, целостные системы не разработаны, отсутствуют качественные терминологические словари. Любой язык должен достичь достаточно высокой степени развития (в частности в области лексики и синтаксиса) чтобы суметь выделить языки для специальных целей, которые будут выполнять необходимые функции [Герд 2011: 14].

Исследователи, сравнивающие язык для специальных целей с общеупотребительным языком, в качестве основной особенности LSP выделяют его лексику. Многие ученые не делают различие между LSP и его терминологией [Соснина 2006: 5].

Важно упомянуть отношение различных языков для специальных целей к литературному языку. Языки науки, техники и делового общения в письменной форме строго соблюдают грамматические и стилистические нормы литературного языка. Устные формы языков для специальных целей испытывают влияние разговорной речи, региолектов и диалектов.

Признанным фактом является функционирование в LSP большого количества словосочетаний [Leitchik 2004; Manerko 2004; Thomas 1993 и др.]. Длина термина-словосочетания в сфере функционального общения определена необходимостью максимально точно передать содержание высказывания.

Языки для специальных целей, широко используемые в повседневном общении, включают в себя не только языковые средства, устоявшиеся в нормативных документах, но также языковые средства, выходящие за рамки нормы. В их числе элементы разговорного стиля, профессионализмы, а также профессиональный жаргон. Особенностью всех многоуровневых LSP является перенос языковых средств из одного уровня на другой. На сегодняшний день число таких LSP возрастает [ср. Leitchik 2011: 49].

На всех уровнях языковой системы LSP полностью зависят от ресурсов общелитературного языка [Хомутова 2008: 103]. Языки для специальных целей тесно связаны с языком для общих целей (Language for General Purposes - LGP), являются подсистемами естественного языка и в полной мере сопоставимы с живыми языками [Гвишиани 1986].

Как правило, морфологические и синтаксические характеристики LSP соответствуют характеристикам общелитературного языка, но могут значительно отличаться по частотности употребления. На уровне текста LSP характеризуется собственными традиционными типами построения или жанрами с определенными композиционными моделями построения [Хомутова 2008: 103].

Язык для специальных целей осуществляет вербализацию профессионального знания, поэтому должен обладать соответствующими лексико-семантическими средствами, способными адекватно передавать существо всех основных категорий и понятий науки, техники и других областей профессиональной деятельности [Анненкова 2012: 14].

Проблема неоднородности связана с тем, что различные источники демонстрируют значительные языковые отличия в текстах разного типа, и потому, что язык для специальных целей используется в актах коммуникации между представителями разных социальных сфер [Зяблова 2005: 27].

Интерес к исследованию LSP и относящихся к ним лексических единиц отражается не только в прагматическом и дискурсивном анализе, но также в других отраслях, например, социолингвистике или изучении иностранного языка [Massalina 2009: 124].

LSP и когнитивная наука

Для понимания когнитивной лингвистики крайне важно иметь представление о когнитивной науке. Когнитивная наука возникла в США после Второй мировой войны благодаря совместным усилиям ученых Европы. Правительство и Министерство обороны США щедро спонсировали разноплановые научные исследования, в том числе изучение проблем быстрой и эффективной коммуникации. Американцы, вступившие в войну позже остальных, осознали необходимость принятия быстрых решений для координирования совместных действий во время боевых операций. Так как проблема связи и быстрой обработки информации оказалась чрезвычайно актуальной, на развитие данного направления выделялись большие средства из бюджета США.

До появления когнитивной лингвистики существовали когнитивная психология и когнитивная наука. Мыслительные и познавательные способности человека интересовали еще античных исследователей, однако в качестве самостоятельных сфер исследований данные науки сформировались только в XX веке [Тимофеева 2010: 15].

Когнитивная наука (когнитивистика или когнитология) возникла как самостоятельное междисциплинарное научное направление ввиду необходимости исследований структур и закономерностей реального человеческого мышления. Существующие в начале XX века науки, в той или иной степени имеющие дело с данным предметом (логика, философия, психология, теория познания и др.) не могли в полной мере раскрыть множество актуальных вопросов, связанных с категоризацией мира и его сущностей, формированием структур знаний, картинами и моделями мира и т.д. [Никитин 2003: 4].

Начало когнитивным исследованиям положили нейрофизиологи, врачи, психологи (П. Брока, К. Венике, И.М. Сеченов, В.М. Бехтеров, И.П. Павлов и др.). На базе нейрофизиологии возникла нейролингвистика (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия). Было доказано, что языковая деятельность образуется в мозге и разные отделы головного мозга отвечают за разные виды речевой деятельности [Попова 2010: с.8].

Когнитивная наука представляет собой широкий междисциплинарный подход, объединяющий усилия философов, психологов, психолингвистов, нейрофизиологов, лингвистов, специалистов в области искус-

ственного интеллекта и др. [Залевская 1998: 6]. Когнитивная наука – это «новая область исследований, которая объединяет все известное о разуме и мыслительных способностях человека из множества научных дисциплин: психологии, лингвистики, антропологии, философии и компьютерной науки» [Лакофф 2004: 9].

Наиболее распространенное определение когнитивной науки предложил Роджер Н. Шепард, охарактеризовав ее как науку о системах знаний и обработке информации. Человек с точки зрения когнитивной науки рассматривается как система обработки и передачи информации. По мнению исследователей, посредством языка и лингвистики можно получить доступ к структурам сознания, ввиду чего язык оказывается одним из ключевых предметов исследования лингвистов [Угланова 2010: 11-12].

Когнитивизм – «это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе человеческой деятельности» [Маслова 2004: 6]. Когнитивизм как принцип научного описания возник как ответная реакция на механицизм и бихевиоризм и на раннем этапе своего развития в гуманитарных науках активно использовал достижения в рамках построения систем искусственного интеллекта и нейробиологии [Кънева 1997: 34-35].

Когниции (или когнитивные процессы) - это процессы, связанные со знанием и информацией. «Когнитивный» означает «интеллектуальный», «ментальный». Человек с позиции когнитивизма рассматривается как система переработки информации, а поведение человека описывается и объясняется в терминах его внутренних состояний. Данные состояния имеют физическое проявление и интерпретируются как получение, переработка, хранение и дальнейшая мобилизация информации для рационального решения задач [Маслова 2004: 6]. Значение термина «когниция» в современной науке значительно расширилось: если раньше термин означал «познавательный», «относящийся к познанию», то теперь используется в значении «внутренний», «ментальный» [Кубрякова 2004: 9].

Задача когнитивной науки - «выявить процессы и результаты мыслительной деятельности в непосредственной реальности их осуществления», что включает в себя установление способов категоризации мира в сознании, описание реальных процессов когниции и оценки и возникающие в результате концептуальные структуры сознания в их соотношении с миром и деятельностью человека» [Никитин 2003: 5].

По наблюдению Х. Гарднера, когнитивные науки имеют короткую историю, но богатое прошлое. [Gardner 1985] Прототипом современной когнитивной науки можно назвать кибернетику [Угланова 2010: 16]. Зарождение когнитивных наук обычно относят к периоду между 1935 и 1950 г.г. Первый шаг в сторону когнитивных наук был сделан формальной логикой, ставшей в начале XX века теорией мышления. Частью теоретических и классических моделей когнитивизма стали теория формальной логики, создавшая систему формальных символов (алфавит); правила манипулирования данными символами, позволяющие производить истинные суждения при исходной истинности их составляющих; принцип автоматизации этих процедур А. Тьюринга [Turing 1936] и доказательство К. Шенноном в магистерской диссертации возможности его практического воплощения [Сонин 2002: 15].

В 1943 году произошло значимое событие на пути к когнитивной революции: вышла статья У. МакКаллока и В. Питца [McCulloch 1943], где авторы доказали, что человеческий разум, деятельность которого рассматривалась как производство логических выводов, «содержится» в нейронных сетях. Идеи А. Тьюринга, У. МакКаллока и В. Питца стали частью фундаментального концепта фон Нейманна, важнейшие принципы которого являются первостепенными положениями классического когнитивизма. Сюда относятся принципы разделения данных и процедур и их единого кодирования. На этом предысторию когнитивных исследований можно считать завершённой [Сонин 2002: 16].

Следует отметить, что суть когнитивной революции заключается в разрыве с бихевиоризмом. Серьезное влияние в этом процессе оказали прогресс в нейрофизиологии, благодаря которому проблема отношений мозг-разум была представлена с другой точки зрения, и технологический переворот, заключающийся в создании первых компьютеров [Сонин 2002: 17].

Кризис бихевиоризма приходится на 1943 год, когда опубликованная К. Халлом работа “Principles of Behavior” суммировала все достижения бихевиористского подхода, доказав непродуктивность применения его концепций к исследованиям речи и высших когнитивных процессов в целом [Hull 1943]. Кризис бихевиоризма назревал в 20-40 г.г., поскольку ряд исследований уже не вписывался в рамки бихевиористских концепций: гештальт-психология В. Келера [Kehler 1940] и М. Вертхаймера [Wertheimer 1912], топологическая теория поля Д. Картрайта и К. Левина [Lewin 1931], генетическая эпистемология Пиаже [Piaget 1937]. Эти теории легли в основу концептуальной и идеологической базы для продвижения понятия когниции.

Благодаря популяризации новой когнитивной концепции были проведены исследования и категоризация внимания, языка, памяти и иных процессов. Результаты первых экспериментальных исследований выявили потребность в методе операционального описания, значимым событием в определении которого стала конференция MIT в 1956 г. В конференции приняли участие специалисты, заинтересованные в создании моделей когнитивных процессов: Хомский, Миллер, Ньюэлл, Саймон и др. По итогам мероприятия был сделан следующий вывод: «ментальные состояния должны описываться в форме символов, рассматриваемых как объекты, обладающие физической реальностью. Разумное поведение должно представляться, таким образом, как продукт формальной манипуляции символами, осуществляемой мозгом и принципы работы которой сопоставимы с компьютерными принципами» [Сонин 2002: 16].

Становление когнитивной науки происходит в 60-е годы XX века в США практически одновременно с трансформационной грамматикой (позже получившей название порождающая, генеративная). До конца 70-х годов оба направления развиваются параллельно, оказывая существенное влияние друг на друга. Основателями когнитивной науки называют психолога Дж. Миллера и лингвиста Н. Хомского. Особенно отмечается вклад Н. Хомского в философию и психологию тех времен: значимость трудов Н. Хомского признавали даже те, кто впоследствии выступал против его идей. С 60-х годов благодаря сотрудничеству Миллера и Хомского проявляются тесные связи психологии и лингвистики [Turing 1936: 143].

В начале 70-х годов в США происходит так называемая «когнитивная революция», существенно повлиявшая на развитие целого ряда наук, в том числе и гуманитарных. В середине 70-х г.г. появилось новое направление – социально-когнитивная теория, основанная на феноменологическом методе гештальт-психологии. Одновременно в некоторых гуманитарных науках происходит существенное повышение эвристической роли категорий «языковая личность» и «ситуативный контекст» и возникают теоретические модели текста [Кънева 1997: 36].

Большинство фундаментальных работ по социально-когнитивной теории появилось в середине 80-х годов. Стремительное развитие когнитивных наук во многом обязано рентабельностью использования их достижений в исследованиях в области информатики и искусственного интеллекта. Ввиду серьезной конкуренции между США и Японией в области информационных технологий, исследования 70-80 годов щедро финансировались. Параллельно разрабатывались структуры, позволяю-

щие ученым обмениваться опытом: научные общества, летние школы, конференции и научные издания, в связи с чем стоит отметить роль прагматического фактора в определении роли лингвистики [Сонин 2002: 12].

В 1976 году после публикации У. Найсера начинается расхождение когнитивной лингвистики и генеративной грамматики. Значимым фактором в начавшемся обособлении стала невозможность подтверждения постулатов генеративной грамматики опытным путем. Несмотря на значительный вклад Н. Хомского в когнитивную науку, связь между когнитивной психологией и генеративной грамматикой продолжала ослабевать. Официальной датой возникновения когнитивной науки считается 1989 год: к этому времени в адрес когнитивной грамматики Н. Хомского высказывалось множество критических замечаний. Фактически формирование установок когнитивной науки начинается с критики генеративизма, ставшей толчком для формирования различных школ и направлений в рамках когнитивной науки.

Массовый переход от изучения поведения к исследованию интеллекта и выявлению соответствующих процессов и механизмов получил название «пандемия когнитивизма» с негативным оттенком. Под первой когнитивной революцией понимают сам переход от бихевиоризма. Второй когнитивной революцией (или дискурсивным поворотом/дискурсивным переворотом) называют переход от изучения слова и предложения к изучению текста и далее дискурса, что привело к возникновению дискурсивной психологии, дискурсивного подхода, дискурсивного анализа и т.д. [Залевская 1998: 7].

Когнитивная наука пытается объединить старые традиционные фундаментальные науки (математику, философию, лингвистику, психологию) и новые, развивающиеся науки и теории (теорию информации, различные методы математического моделирования, компьютерную науку, нейронауку) [Свиридов 1998: 43-44].

Когнитивная наука зачастую рассматривается как «зонтиковый термин», собравший «под одной крышей» дисциплины, нацеленные на изучение процессов, в той или иной степени связанных со знанием и информацией. Изучение когнитивного мира человека ведется на основе его поведения и осуществляемых видов деятельности, большая часть которых протекает при участии языка [Кубрякова 1994].

Согласно самому распространенному определению, когнитивная наука является наукой о системах репрезентации знаний и обработки информации, получаемой человеком по разным каналам [Гусева 2007: 11].

Дж. Лакофф различает два подхода в когнитивной науке: традиционный (объективизм) и новый (опытный реализм или экспериенциализм). В качестве основного способа организации опыта обоих подходов рассматривается категоризация. Согласно традиционному подходу, категории определяются признаками, которые разделяют их члены. Согласно новым взглядам, чувственный опыт и способы использования механизмов играют основную роль в том, каким образом создаются категории для осмысления опытных данных. По мнению Лакоффа, на сегодняшний день когнитивная наука пребывает в переходном состоянии: хотя традиционный подход остается актуальным, новый также начинает приобретать влияние [Лакофф 2004: 10].

Дж. Лакофф подчеркивает важность категоризации, которая, как отмечает исследователь, является базой для мышления, восприятия, действий и речи. Категоризация в большинстве случаев происходит автоматически и бессознательно. Человек производит категоризацию событий, действий, эмоций, пространственных отношений и т.д.. Вплоть до поздних работ Витгенштейна категории рассматривались в виде абстрактных вместилищ, где объекты находятся внутри или вне категории. Считалось, что объекты относятся к одной категории при наличии у них некоторых общих признаков; общие признаки при этом рассматривались как определяющие для данной категории. По мнению Дж. Лакоффа, человеческая категоризация – это продукт с одной стороны человеческого опыта и воображения, с другой – метафоры, метонимии и ментальной образности в целом [Лакофф 2004: 20-23].

Многие исследователи отмечают, что когнитивная наука и когнитивная лингвистика заняли прочное место наряду с другими значимыми потоками исследований [Потебня 1993: 12]. Революционная роль когнитивного направления заключается в том, что оно не просто вернуло психологии ее предмет (психику), но и трансформировало его, сделав приоритетным направлением исследования получения, хранения и применения человеком знаний. На решение теоретических задач положительно повлияло развитие послевоенной фундаментальной и прикладной науки. Большую роль сыграли достижения в области кибернетики, теории связи и инженерной психологии [Угланова 2010: 15-16].

Когнитивная лингвистика – это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Кубрякова 1996; Кънева 1997].

Когнитивная лингвистика возникла после оформления теории психолингвистики: теоретические знания психолингвистики легли в основу методологии когнитивной лингвистики [Попова 2010: 18]. Именно психолингвистика доказала существование невербального мышления, концептосферы и составляющих ее концептов.

Появление когнитивного направления в лингвистике обусловлено интересом исследователей к коммуникативной и познавательнотрагательной функциям, к структурной организации языка и его единиц и к частным вопросам реализации данной функции с помощью определенных языковых единиц. В основе когнитивного подхода лежит «понимание и изучение языка как средства познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями» [Болдырев 2014: 14].

Появление когнитивной лингвистики обычно относят к 70-80 годам XX века. Отмечаются работы Э. Гош, Л. Талми, Дж. Лакоффа и Х. Томпсона, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Ж. Фоконье, Дж. Лакоффа, Р. Лэнкера и др. Особо важная роль в появлении когнитивной лингвистики и когнитивной психологии принадлежит Дж. Миллеру, который считается основоположником когнитивной психологии и когнитивной науки. Миллер изучал лингвистику и проводил психологические исследования в рамках бихевиоризма и был одним из первых, кто подверг сомнению безальтернативность бихевиоризма. [Тимофеева 2010: 16]. Миллер не был противником бихевиоризма, однако считал, что исследования психологии нельзя ограничивать анализом поведения.

Считается, что когнитивная лингвистика возникла в 1989 году, в Дейсбурге (ФРГ), где на научной конференции, организованной Рене Дирвеном и другими европейскими учеными, было принято решение о создании ассоциации когнитивной лингвистики. В ходе конференции было запланировано создание Международной ассоциации когнитивной лингвистики, издание журнала «Когнитивная лингвистика» и серии монографий «Исследования по когнитивной лингвистике». По мнению Р. Лэнкера, это событие стало символом рождения когнитивной лингвистики как «интеллектуального движения» [Langaker 1991: 15]. Таким образом, когнитивная лингвистика стала отдельным лингвистическим направлением. В первом номере журнала «Когнитивная лингвистика» главный редактор Дирк Герэртс выделил задачи нового лингвистического направления: исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации. С течением времени данная формулировка (как и само лингвистическое направление) претерпела существенные изменения [Болдырев 2014: 16]. Далее проблема соотношения языка и мышления изучалась на базе

языка и мышления изучалась на базе психолингвистики. Исследовались процессы порождения и восприятия речи, процессы изучения языка как системы знаков, хранящейся в сознании человека, соотношение системы языка и ее использования, функционирование (американские психолингвисты Ч. Осгуд, Т. Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэррол и др., российские лингвисты А.А. Леонтьев, И.Н. Горелов, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов и др.). К началу 90-х годов многие европейские и американские ученые считали себя когнитивными лингвистами [Тимофеева 2010: 15].

Идеи когнитивной лингвистики прослеживались еще в работах И.А. Бодуэна де Куртене [Попова 2010: 9]. Следует отметить, что задолго до «официального» возникновения когнитивной лингвистики существовали труды, которые сегодня считаются классическими и несут в себе образцы применения когнитивного подхода к явлениям языка. В частности, отмечается когнитивная грамматика Р. Ленекера, многочисленные работы Л. Тэлми, исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона, работы Ж. Фоконье. Можно сказать, что на момент официального признания когнитивной лингвистики, все ее конститутивные признаки уже были выделены [Кубрякова 2012: 22].

Когнитивная лингвистика представляет собой результат взаимодействия нескольких источников: когнитивной науки, когнитивной психологии и лингвистической семантики [Маслова 2004]. Когнитивная лингвистика основана на теории психолингвистики: значительная теоретическая часть психолингвистики является основой методологии когнитивной лингвистики. В основе этой методологии положение о том, что «через изучение семантики языковых знаков можно выяснять, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения, в то время как для другого народа оказывалось существенным» [Попова 2010: 18].

Когнитивная лингвистика получила свое название благодаря когнитивной психологии, которая формально появилась в 1960 году: именно в этом году в Гарвардском университете Миллером и Брунером был основан Центр когнитивных исследований. Термин «когнитивная психология», по словам самого Миллера, был выбран сознательно с целью акцентировать внимание на противопоставлении бихевиористам [Шульц 1998].

Когнитивная лингвистика развивалась независимо от когнитивной психологии и в настоящий момент имеет довольно мощный пласт лингвистических исследований [Касевич 2013: 136]. Рост интереса к лин-

гвистике, помимо теории Хомского, обусловлен становлением математической лингвистики и психолингвистики.

Когнитивная лингвистика берет истоки из исследований нейрофизиологов и психологов (П. Брок, К. Вернике, И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов). Нейрофизиология легла в основу нейролингвистики (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия). Было доказано, что языковая деятельность осуществляется в мозге человека, а разные отделы головного мозга отвечают за разные виды языковой деятельности. Следующий этап связан с психолингвистикой, в рамках которой изучались процессы возникновения и восприятия речи; процессы изучения языка как системы знаков, хранящейся в человеческом сознании; система языка и ее использование и функционирования. Данные вопросы рассматривались американскими психолингвистами и российскими лингвистами (Ч. Осгуд, Т. Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэррол, А.А. Леонтьев, И.Н. Горелов, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов и др.) [Попова 2010: 8].

Несмотря на то, что когнитивная лингвистика начала складываться в последние два десятилетия 20 века, ее предмет (особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка) интересовал исследователей уже в 19 веке. Например, А.А. Потебня признавал, что в душевной деятельности имеют место сильнейшие понятия, участвующие в образовании новых мыслей, и понятия, остающиеся позади. Также А.А. Потебня понимал роль ассоциаций и их слияний в формировании рядов представлений, «понимал роль языка в процессах познания, процессах становления и развития человеческих знаний о мире на основе психологических процессов апперцепции и ассоциации, на основе разных по силе представлений человека о явлениях, имеющих названия в языке» [Потебня 1993].

Значительное влияние на изучение языковой коммуникации во второй половине XX века оказали антропология, культурология и этнография, эстетика, семиотика и герменевтика, кибернетика, нейробиология и искусственный интеллект, различные направления психологии, философии, социологии, логики, математики и т.д. [Кънева 1997: 34].

Истинное исследование лингвокогнитивных проблем начинается в последние десятилетия XX века. На этот период приходятся основные публикации по когнитивной лингвистике. Выделялось два направления изучения когнитивизма: классический американский когнитивизм и российские структурно-семантические исследования. Несмотря на то, что данные направления развивались независимо друг от друга и использовали разную терминологию, результаты исследований во многом пересекаются. [Попова 2010: 12].

В 70-е и 80-е годы XX века когнитивная наука и когнитивная лингвистика были в тесной взаимосвязи: они взаимообогащали друг друга и совместно разрабатывали исходную систему взглядов, впоследствии ставшую известной как когнитивизм. По мере углубления исследований лингвистического характера развитие когнитивной лингвистики становилось более обособленным. В процессе решения задач когнитивной науки когнитивная лингвистика начала вырабатывать собственные теории и методики когнитивизма на материале языка. Постепенно когнитивная лингвистика сама начала «задавать вопросы» другим наукам касаясь порождения и восприятия речи, особенностей обработки информации в языке, устройства ментального лексикона и др. Для решения возникающих вопросов требовалось сотрудничество с биологией, медициной, физиологией и неврологией [Кубрякова 2012: 23].

В становлении современной когнитивной лингвистики отмечается значимая роль трудов Рональда Лангакера, Рэя Джакендоффа и др. Проблемы когнитивной лингвистики также рассматривают Л.М. Васильев, К.Я. Сигал, С. Пинкер и др. Проблемами толкования и определения предмета когнитивной лингвистики занимаются А.А. Худяков, Р.И. Розина, В.З. Демьянков, Р.М. Фрумкина, И.Г. Рузин, Н.Н. Болдырев и т.д. [Попова 2010: 11].

Основным достижением когнитивной лингвистики стал разрыв с бихевиористскими методами и принятие новых методов, основанных на когнитивных процессах. Однако, несмотря на это, когнитивистика фокусируется на поведении и отвергает прочую феноменологию, т.е. продолжает следовать бихевиористским принципам [Сонин 2002: 19].

Говоря об отечественном лингвистическом сообществе, необходимо отметить, что период с 60-х годов до настоящего времени характеризуется неприятием отечественными исследователями трансформационной и генеративной грамматик, созданием собственных версий формальных грамматик, расцветом системно-структурных исследований, выдвиганием оснований функциональной грамматик и т.д. Данные направления формировались на основании собственных традиций, а зарубежные концепции рассматривались исходя из принципов «советского языкознания» [Кубрякова 2012: 24].

Современная когнитивная лингвистика продолжает испытывать влияние своего непростого прошлого. На данный момент остается множество поводов для конфликтов. В частности, большое количество разногласий возникает по поводу возможности использования, организации и интерпретации экспериментальных исследований в когнитивной лингвистике [Тимофеева 2010: 20].

Материалом лингвокогнитивного анализа является язык, а цели разнятся в зависимости от направлений (или школ) когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика выделилась из когнитивной науки, став самостоятельной областью лингвистической науки и отличается от других когнитивных наук материалом исследования: она изучает сознание на материале языка. Различаются и методы исследования: когнитивная лингвистика изучает когнитивные процессы и исследует типы ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования [Попова 2010: 12].

Если раньше лингвистов в первую очередь интересовала работа интеллекта при восприятии и понимании текста, то сейчас интерес представляют и когнитивные процессы, имеющие место при производстве текстов [Лассан 1998: 57].

На современном этапе своего развития когнитивная лингвистика направлена на естественнонаучные принципы работы. Языковая деятельность охватывается в различных аспектах ее проявления, продолжается поиск новых методов исследования. Наблюдается тенденция к сближению методов и критериев когнитивной лингвистики с методами и критериями эмпирических естественнонаучных исследований, что является несомненным преимуществом, так как придает исследованиям языка прикладную значимость. В зарубежной когнитивной лингвистике прослеживается стремление к естественным наукам и сотрудничеству с естественнонаучными дисциплинами. Однако процесс слияния естественных наук и лингвистики займет длительный период времени, так как помимо изменения проблематики, он связан и с «изменением привычек и мировоззрения исследователей» [Тимофеева 2010: 12].

Среди ученых существует мнение, что когнитивной лингвистике необходима эмпирическая революция. Так считают Дирк Герэртс [Geeraerts 2006], Раймонд Гиббс [Gibbs 2006] и другие. Поскольку когнитивная лингвистика является частью когнитивной науки, было бы естественным использовать ее методы и подходы. Еще одним аргументом к эмпирической революции служит то, что предметом изучения когнитивной лингвистики являются различные физические явления, для исследования которых следует использовать методы, применяемые в естественных науках именно для изучения физических явлений [Тимофеева 2010: 13].

Лингвистика занимает значимое место в современном мировом языкознании. Когнитивная лингвистика, в свою очередь, представляет со-

бой новый этап изучения непростых отношений языка и мышления, что также характерно для отечественного теоретического языкознания [Попова 2010: 7]. Когнитивные исследования приобрели популярность в России, так как затрагивают актуальные для отечественного языкознания темы: язык и мышление, главные функции языка, роль человека в языке, роль языка для человека [ср. Кубрякова 2004: 11]. К основным областям интересов когнитивной лингвистики относятся соотношение между языком и мышлением; когнитивные принципы и механизмы, общие для разных языков; процессы категоризации и когнитивные модели понимания; концептуальное взаимодействие между синтаксисом, семантикой и прагматикой [Тимофеева 2010: 15].

Концепты и термины: разграничение понятий

Когнитивная лингвистика занимается изучением широкого круга проблем: каким образом хранятся наши знания о мире, как они структурированы в языке в процессе коммуникации. Наиболее значимым объектом исследования когнитивной лингвистики является концепт. Концепты – «это ментальные сущности, которые имеют имя в языке и отражают культурно-национальное представление о мире» [Маслова 2004: 4].

Отсутствие единого определения обусловлено сложностью самого понятия. В рабочем определении В.А. Масловой концепт рассматривается как семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и определенным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт отражает этническое мировидение и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по М. Хайдеггеру) [Хайдеггер 1991]. Концепт представляет собой квант знания, отражающий содержание человеческой деятельности. Концепт – это результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека, окруженный эмоциональным, экспрессивным и оценочным ореолом [Маслова 2004: 47].

Несмотря на то, что концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики, его содержание существенно различается в различных концепциях и работах отдельных ученых [Попова 2010: 29]. Это объясняется тем, что концепт, будучи мыслительной категорией, имеет множество способов толкования. Изначально понятие концепта пришло из философии и логики, но в последние несколько десятилетий оно было актуализировано и переосмыслено.

В отечественной науке данный термин впервые был употреблен С.А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 году в значении мысленного образо-

вания, замещающего в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий и мыслительных функций одного рода [Попова 2010: 30], однако не был принят как термин научной литературы. Понятие концепта вновь возникло только в 80-е годы контексте переводов англоязычной литературы на русский язык.

Практически одновременно с Аскольдовым-Алексеевым понятие концепт использовал Д.С. Лихачев, по мнению которого концепт является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего и выполняет заместительную функцию в языковом общении. [Лихачев 1993].

По мнению Е.С. Кубряковой, концепт – это «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [Кубрякова 1996: 90-92]. На данный момент когнитологи не имеют точного представления о том, каким образом возникают концепты [Маслова 2004: 41].

А.А. Залевская рассматривает концепт как объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания [Залевская 2001: 39].

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова 2010: 34]. По мнению авторов, правильнее интерпретировать концепты прежде всего как единицы мышления, поскольку их основной задачей является обеспечение процесса мышления. Концепты также выступают в качестве хранителей информации, но на данный момент неизвестно, являются ли они единицами памяти [Попова 2010: 34-35].

М.В. Пименова определяет концепт как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пиотровский 1979: 10]. «То, что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и

внутреннего мира и есть то, что называется концептом» [Пименова 2004: 8].

А. Вежбицкая рассматривает концепт как объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» [Вежбицкая 1996: 11].

В.Н. Телия считает концепт продуктом человеческой мысли и идеальным явлением, присущим не только языковому сознанию, но и человеческому сознанию вообще. Концепт «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое знание [Телия 1996].

Концепт – житейское понятие, «осмысленное» всем богатством связанных с предметом или явлением разнообразных ассоциаций. Понимаемому концепту отвечает слово или относительно устойчивое словосочетание соответствующего языка [Касевич 2013: 139].

На основании различных определений концепта представляется возможным выделить его инвариативные признаки: 1. это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся посредством слова и имеющая полевую структуру; 2 это основная единица обработки, хранения и передачи знаний; 3. концепт имеет подвижные границы и конкретные функции; 4. концепт социален: ассоциативное поле обуславливает его прагматику; 5. концепт является основной ячейкой культуры [Маслова 2004: 47].

В конце XX века сложилось представление о носителе языка как о носителе определенных концептуальных систем. Каждый концепт включает в себя принципиально важные для индивида знания о мире (несущественные представления при этом отбрасываются). Картина мира (мировидение, мировосприятие) складывается из системы концептов, отражающей понимание человеком реальности [Маслова 2004: 41].

Понятия концепта, концептуальной структуры и ментального мира являются для когнитологии центральными [Никитин 2003: 5]. С начала 90-х годов в российской лингвистической литературе также использовались синонимичные термины «лингвокультурема», «логоэпистема» и «мифологема», однако они не получили широкого распространения: самым популярным по частоте употребления оказался именно «концепт» [Воркачев 2004: 41].

Концепты, возникают непосредственно из опыта, и, следовательно, основаны на постоянном взаимодействии человека с его физическим и культурным окружением. [Лакофф 2008: 150]. Когнитивная лингвистика изучает то, как люди понимают свой опыт. Язык рассматривается как источник данных, благодаря которым представляется возможным выявить общие принципы понимания, которые опираются скорее на целые

системы концептов, нежели на отдельные слова или отдельные понятия [Там же: 148].

Формирование концептов и концептуальных систем обеспечивается взаимодействием следующих источников: действительного мира с его структурами, структурами предметной и ментальной деятельности людей в действительном мире и природной спецификой человека [Никитин 2003: 175].

Ядро концепта выражается в прямом значении имен, а элементы концептуальной сферы выявляются в процессе словообразования, тропаизации, фразеологии, в сочетаемостных комбинаторно-семантических процессах, и т.д. [Никитин 2003: 174].

На сегодняшний день выделяется *три основных подхода* к пониманию концепта, основанных на следующем положении: концепт – «это то, что называет содержание понятия, синоним смысла» [Маслова 2004: 42].

Представителем *первого подхода* является Ю.С. Степанов. При исследовании концепта большее внимание уделяется культурологическому аспекту, а сама культура рассматривается как совокупность концептов и их отношений. Согласно данному подходу, концепт представляет собой основную ячейку культуры в ментальном мире человека.

Второй подход, представленный Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелевым и школой Н.Д. Арутюновой, рассматривает семантику языкового знака как единственное средство формирования содержания концепта. Подобное мнение высказывает Н.Ф. Алифиренко, представляя концепт единицей когнитивной семантики.

Согласно *третьему подходу*, сторонниками которого являются Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова и др., концепт представляет собой результат столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, т.е. служит посредником между словами и действительностью.

Понятия концептуальная картина мира и концептуальная система не являются синонимичными. *Концептуальная картина мира* – это полная база донаучных и научных знаний о мире, накопленная за всю историю существования говорящего на языке народа. Концептуальная картина мира реализуется в виде репрезентантов – языковых знаков и не совпадает с языковой. Концептуальная картина мира содержит несколько уровней, первый из которых включает в себя архаичные, донаучные знания дописьменного периода. Далее следует уровень знаний, частично фиксирующий в разнородных текстах. Следующие уровни содержат систематизированные и несистематизированные знания языка наук [Пименова 2012: 73].

Концептуальная система – это «совокупность всех концептов, входящих в ментальный фонд языка, находящихся в разных типах отношений между собой». Концептуальная система представляет собой «ментальный каркас языковой картины мира», сформированный различными концептуальными подсистемами. Концептуальная система характеризуется консервативностью, традиционностью и кумулятивностью (развивается, дополняется новыми признаками) [Пименова 2012: 73].

Концептуальная система образуется из общих понятий человека, объединенных в систему знаний о мире. Существуют концепты разного уровня сложности и абстракции, различен и способ их формирования. Концепты – это идеальные, абстрактные единицы, используемые человеком в процессе мышления и отражающие содержание, полученное в результате всей деятельности человека. Человек мыслит концептами. Новые концепты являются результатом мышления и образуются в процессе мыслительной деятельности. Передача информации и процесс общения также являются концептуальным взаимодействием в вербальной или невербальной форме, активацией соответствующих знаний в концептуальной системе собеседника. Концепт содержит сведения об объектах и их свойствах; о том, что человек знает, думает, предполагает об объектах мира [Болдырев 2014: 39].

По мнению Н.Д. Арутюновой, когнитивная лингвистика занимается поиском концептов, наиболее актуальных для построения целостной концептуальной системы – организующих концептуальное пространство и выступающих в качестве главных тем его членения. Примеры подобных концептов: жизнь, свобода, воля, знания и т.д. [Арутюнова 1991].

Впервые вопрос об исследовании содержания концептов был озвучен К.Д. Кавелиным еще в 40-е годы XIX века, хотя в то время самого термина «концепт» не существовало. Изучая быт и древности русского народа на базе памятников древней словесности и права, К.Д. Кавелин сформулировал требование к методу следующим образом: «при изучении народных обрядов, поверий и обычаев искать их непосредственный, прямой, буквальный смысл» [Маслова 2004: 56]. Суть метода – определение внутренней формы концепта, т.е. выявление духовного значения (например, слова) по материальным проявлениям.

По мере расширения спектра стоящих перед когнитивной лингвистикой задач возникает необходимость в поисках новых методов и методик исследования. Прежде всего, метод когнитивной науки заключается в «попытке совместить данные разных наук, гармонизировать эти данные и найти смысл семантической непрерывности» [Маслова 2004: 57].

Абсолютно новаторским методом исследования в когнитивной лингвистике можно назвать метафорический анализ, предложенный Дж. Лакоффом и М. Джонсом в 1985 году, представляющий метафору в роли фундаментальной когнитивной операции, обеспечивающей перенос образных систем между разными концептуальными системами. К новым методам когнитивной лингвистики также относятся некоторые методы психологии и нейролингвистики [Маслова 2004: 57].

На сегодняшний день существует несколько методик описания и изучения концептов: теория профилирования Е. Бартминского, теория вертикальных синтаксических полей С.М. Прохоровой, теория концептуального анализа для выявления глубинных, эксплицитно не выраженных характеристик имени, предложенная Л.О. Чернейко и В.А. Долинского, теория вертикального контекста О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет [Там же].

Когнитивная лингвистика включает в себя данные разных наук, использует их методы и исследования. Выбор методов, методик, приемов и способов исследования зависит от сложности концепта, а также от целей и задач исследования и характера рассматриваемых лингвистических источников [Маслова 2004: 58]. В зависимости от типа концепта будет в той или иной мере изменяться методика его описания [Там же: 59].

Р.М. Фрумкина и вслед за ней В.А. Маслова при описании концепта различают ядро и периферию. Под ядром подразумеваются словарные значения лексемы, помогающие в раскрытии содержания концепта и выявлении специфики его языкового содержания. Периферию составляет субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации [Маслова 2004: 58].

Существенное различие между понятием и концептом в том, что понятие отражает наиболее существенные признаки предмета или явления, в то время как концепт может отражать любые, не только существенные признаки [Болдырев 2014: 39].

Выделяются следующие способы образования концептов в человеческом сознании:

1. на основе чувственного опыта, т.е. восприятия окружающего мира непосредственно органами чувств;
2. на основе предметно-практической деятельности человека, т.е. в результате использования различных предметов;
3. на основе мыслительной деятельности, т.е. в результате рассуждений, выводов и мыслительных процессов на основе мыслительных операций с уже известными концептами;
4. на основе экспериментально-познавательной и теоретико-познавательной науч-

ной деятельности; 5. на основе вербального и невербального общения, когда говорящий разъясняет собеседнику содержание концепта с помощью языковых средств или других средств общения.

Формирование полноценного знания достигается в результате сочетания различных способов образования концептов: чувственного созерцания, предметной деятельности, обучения, осмысления и языкового общения [Болдырев 2014: 41].

Восприятие человеком мира и окружающих предметов происходит в виде целостных образов. По причине того, что концепты формируются на основе личного чувственного опыта человека, они всегда конкретны, носят индивидуальный и иногда случайный (т.е. несущественный) характер [Там же].

Концепты служат основой формирования классов и категорий, образуемых из наблюдаемых и мыслимых явлений. Концепты являются образцами для сравнения и категоризации вновь познаваемых предметов и явлений, которые в результате данного сравнения определяются к одному из классов или категорий [Болдырев 2014: 42].

Язык является главным инструментом познания, концептуализации и категоризации. Значительный объем информации поступает с помощью языка (учебники, научная литература, языковое общение и т.д.). Язык также помогает в обобщении информации, поступающей через другие каналы восприятия. Таким образом, язык обеспечивает доступ ко всем концептам, вне зависимости от того, каким способом они сформированы, при том оставаясь одним из способов формирования концептов [Болдырев 2014: 43].

Одним из наиболее значимых объектов исследования когнитивной лингвистики является вербализация концепта, его передача в языке. Концепт может быть вербализован отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и текстами. Чем сложнее выражаемый смысл, тем объемнее будет вербализация. Некоторые концепты могут быть переданы только с помощью текста или ряда произведений (например, концепты русская душа, английский юмор, чувство собственности и т.д.), так как требуют осмысления большого количества ситуаций [Болдырев 2014: 44].

Ю.С. Степанов, рассуждая о вербализации концептов, утверждает, что описание духовных концептов может быть доведено только до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которую возможно пережить, но не описать [Степанов 1997: 13].

В речи вербализуется только коммуникативно значимая часть концепта. Описание вербализуемой части концепта осуществляется через

исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт. Наличие или отсутствие вербализации концепта носит коммуникативный характер и не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления. При возникновении коммуникативной необходимости концепт может быть вербализован различными способами (лексическим, фразеологическим, синтаксическим и т.д.) и целым комплексом языковых средств. Следует отметить, что сознание содержит множество невербализованных концептов, а значительная часть концептов индивидуального сознания в принципе не может быть вербализована [Попова 2010: 20].

Ю.Д. Апресян представляет теорию концепта, базирующуюся на следующих положениях: 1. любой естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира; выражаемые в нем значения составляют единую систему взглядов; 2. способ концептуализации мира, характерный для языка, одновременно универсален и национально специфичен; 3. взгляд на мир (он же способ концептуализации) не похож на научную картину мира, но при этом не является примитивным [Апресян 1995].

Многие исследователи отмечают многомерность концепта, так как данное понятие включает в себя разноплановые составляющие: рациональную, эмоциональную, абстрактную, конкретную, универсальную, этническую, общенациональную, индивидуально-личностную.

Многие концепты содержатся во фреймах. Фрейм – «обобщенная модель организации культурного знания вокруг некоторого концепта». Можно сделать заключение, что фрейм – это структуры знания о мире, ассоциирующиеся с конкретной языковой единицей [Маслова 2004: 48].

Для классификации концептов выделяются различные основания. С точки зрения тематики выделяются эмоциональная, образовательная, текстовая и др. концептосферы. Классификация по носителям концептов включает в себя индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы. В зависимости от функционирования концепта в каком-либо виде дискурса выделяются педагогические, религиозные, политические и др. концептосферы [Маслова 2004: 50].

Концепты управляют мышлением человека, влияя на его повседневную деятельность. Концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни, т.к. концепты структурируют ощущения и поведение человека. Отмечается, что в повседневной жизни концептуальная система не осознается. По мнению Дж. Лакофф,

процессы человеческого мышления во многом метафоричны [Лакофф 2008].

Концептосфера – упорядоченная совокупность концептов в сознании человека. Язык служит одним из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через призму языка можно понять большую часть концептуального содержания сознания [Попова 2010: 19].

Термин «концептосфера» принадлежит академику Д.С. Лихачеву, по определению которого концептосфера является совокупностью концептов нации и образовывается всеми потенциями концептов носителей языка. Богатство концептосферы народа напрямую зависит от богатства культуры нации, ее фольклора, литературы, изобразительного искусства, исторического опыта и религии [Лихачев 1993: 5]. И концепт, и концептосфера являются ментальными, ненаблюдаемыми сущностями. По мнению ряда исследователей, концептосфера (система концептов) характеризует конкретное культурно-языковое сообщество, отражая его металитет [Касевич 2013: 139].

Существуют групповые концептосферы: профессиональная, возрастная, гендерная и т.д.. Для когнитивной лингвистики характерно сопоставление различных концептосфер, особенно широко распространено сопоставление различных национальных концептосфер.

Представления человека об объектах, событиях и деятельности – многомерные гештальты, измерения которых естественно возникают из опыта функционирования в мире [Лакофф 2008: 152].

Для человека категоризация служит основным средством понимания мира, поэтому она должна быть гибкой. Э. Рош доказала, что человек категоризирует сущности на основе прототипов и приводит пример со стулом: прототипический стул в представлении человека имеет четко выделяемые спинку, сиденье, четыре ножки и факультативно два подлокотника. Существуют и непрототипические стулья (висячие стулья, вращающиеся стулья и т.д.), и человек воспринимает их из-за того, что они связаны с прототипом стула [Rosch 1977].

Концепты определяются в первую очередь на основе интерактивных характеристик. Определение нельзя рассматривать как фиксированный набор достаточных условий использования концепта (такой подход в некоторых случаях может допускаться в научных или технических дисциплинах). Концепты определяются прототипами и типами связей с ними. Возникающие из опыта концепты скорее свободное, нежели жесткое определение [Лакофф 2008: 156].

Термин «номинативная плотность» был предложен В.И. Карасиком [Карасик 2004: 111] для обозначения количества номинаций определенного концепта. Номинативная плотность определенного участка языковой системы отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа.

Все концепты структурированы, что является необходимым условием их существования и вхождения в концептосферу. Концепты внутренне организованы по полемому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Когнитивные признаки различаются степенью яркости в сознании своих носителей. Когнитивные признаки составляют структуру концепта и упорядочиваются в ней по полемому признаку. Выделяется национальная, социальная, групповая и индивидуальная специфика концепта [Попова 2010: 21].

В.В. Красных предлагает термин «когнитивное пространство» и выделяет индивидуальное когнитивное пространство и коллективное когнитивное пространство. Индивидуальное когнитивное пространство – это определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая языковая личность. Под коллективным когнитивным пространством понимается определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обязательно обладают все входящие в определенный социум личности. В.В. Красных также вводит понятие «когнитивная база», под которым понимается определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений определенного национально-культурного менталитета [Красных 2003: 61].

Особенности когнитивной лингвистики в отличие от LSP

Когнитивная лингвистика является одним из направлений междисциплинарной когнитивной науки. В.В. Колесов выделяет когнитивную лингвистику (исследующую связи между словом и вещью), конденсивную лингвистику (изучающую модальность, залоговость и прочие семантические прототипы) и концептуальную лингвистику (изучающую концепты) [Колесов 2005: 16]. Многие авторы при обзоре современной лингвистики выделяют в ней три основных направления: генеративная лингвистика, функциональная лингвистика, когнитивная лингвистика. Некоторые исследователи предпочитают объединять последние два направления; в таких случаях говорят о функциональном и формальном

направлениях, где последний понимается как генеративная лингвистика [Касевич 2013: 135].

В широком смысле когнитивная лингвистика охватывает достаточно объемную область знаний. Многие исследователи прибегают к когнитивной лингвистике для когнитивного объяснения различных языковых явлений, о чем можно судить по содержанию журнала *Cognitive Linguistics* и тематике докладов, представленных на 4-й и 5-й конференциях Международной ассоциации когнитивной лингвистики в 1995 и 1997 годах. Также просматриваются попытки интеграции между функционализмом и когнитивной лингвистикой [Кибрик 2010: 324].

Когнитивная лингвистика имеет сходство с некоторыми другими течениями лингвистики. Примечательно, что многое из того, что на сегодняшний день рассматривается в рамках когнитивной лингвистики, можно наблюдать в более ранних подходах семантики и филологической традиции XIX века [Ченки 2010: 344].

Когнитивная лингвистика основывается на положении, согласно которому поведение и деятельность человека в значительной мере диктуются его знаниями, а языковое поведение – языковыми знаниями [Маслова 2004: 21].

Задачей когнитивной лингвистики является исследование следующих аспектов:

1. Выявление роли участия языка в процессах познания и осмысления мира
2. Изучение соотношения когнитивной структуры познания с единицами языка.
3. Выявление степени участия языка в процессах получения, переработки и передачи информации о мире.
4. Исследование процессов концептуализации и категоризации знаний; описание средств и способов языковой категоризации и концептуализации констант культуры.
5. Описание системы универсальных концептов, организующих концептосферу и являющихся основными рубрикаторами ее членения.
6. Решение проблемы языковой картины мира; соотношения научной и обыденной картины мира [Кочетова 2006].

Цель когнитивной лингвистики – исследовать, каким образом осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, каким образом происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией [Маслова 2004: 12].

Большинство исследователей склоняются к мнению, что базовым принципом когнитивной лингвистики является междисциплинарность. К характерным особенностям когнитивной лингвистики также относится стремление соединить в целое несколько направлений индивидуальных исследований программ.

Evans, Bergen и Zinken выделяют ряд ключевых положений, характерных для большей части когнитивных исследований. Среди этих положений выделяется принцип когнитивности (*the cognitive commitment*), согласно которому при исследовании и описании общих правил необходимо опираться на данные о мышлении и мозге из других дисциплин [Evans 2007]. Таким образом междисциплинарность следует рассматривать как основополагающий признак когнитивной лингвистики.

А.А. Шагеева отмечает наличие вопросов о роли когнитивной лингвистики. Например, некоторые ученые, исследуя вклад когнитивной лингвистики в современное языкознание, отмечали отсутствие новых предметов и методов исследования, что говорит об отсутствии самой когнитивной лингвистики. Однако у данной точки зрения наблюдается достаточное количество противников (Е.С. Кубрякова, В.И. Писаренко, Дж. Лакофф, Р.М. Фрумкина и др.). Возникновение подобного вопроса свидетельствует о новизне данного направления и заинтересованности в нем исследователей [Шагеева 2005: 51].

Согласно теоретическим установкам когнитивной лингвистики, лексикон, морфология и синтаксис «образуют континуум знаковых структур». Соответственно, грамматика рассматривается как лексическая или грамматическая подсистема, обладающая комплементарными семантическими функциями [Беседина 2008: 59].

Ввиду того, что когнитивная лингвистика существует только с 70-х – 80-х г.г., ее категориально-понятийный аппарат находится на стадии формирования. Отмечается, что терминологическая система когнитивной лингвистики характеризуется уточненными терминами, уже имеющимися в лингвистике или заимствованными из других наук, ввиду чего возникают проблемы при трактовке понятий. Многие термины когнитивной лингвистики являются неточными или омонимичными, что объясняется гибкой структурой гуманитарной области знаний [Ведерникова 2013: 3].

«В сферу когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи, при которых языковое знание участвует в переработке информации». Когнитивная лингвистика, будучи новой областью теоретической и прикладной лингвистики, связана с

исследованием когнитивных аспектов лексических, грамматических и прочих проявлений [Свиридов 1998: 44].

В курсе когнитивной лингвистики в качестве самостоятельных дисциплин рассматриваются две основные сущностные функции языка – коммуникативная, где язык рассматривается как средство общения, и когнитивная, где язык изучается как орудие мысли. Когнитивная обработка текста или дискурса состоит из следующих видов анализа: денотативного и сигнификативного, пресуппозиционального, коннотативного, интенционального. Все эти виды обработки информации происходят в сознании слушающего одновременно, однако в случаях затрудненного понимания возможно поэтапное интерпретирование информации [Григорьева 1987].

Ввиду того, что современная когнитивная лингвистика параллельно развивается в разных странах, существуют различия в подходах, категориальном и терминологическом аппарате, понимании основных задач и используемых методах.

Е.Ю. Балашова выделяет лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы в отечественной когнитивной лингвистике. Лингвокультурный подход основан на изучении специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию. Согласно лингвокогнитивному подходу, в основе знаний о мире лежит концепт – единица ментальной информации [Балашова 2004: 6].

А.В. Костин выделяет лингвокультурологическое направление в когнитивной лингвистике. В основе данного направления лежит идея о накопительной функции языка, которая позволяет осуществлять накопление, хранение и передачу опыта народа и его мировидения [Костин 2002].

С.В. Кузлякин различает психологический, логический, философский и культурологический и интегративный подходы [Кузлякин 2005].

Н.В. Болдырев выделяет два этапа развития когнитивизма: ранний (логический или объективистский) и современный (экспериментальный, основанный на опыте) [Болдырев 2004: 20].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, на сегодняшний день можно выделить следующие направления когнитивной лингвистики: культурологическое (исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук), лингвокультурологическое (исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и особенностями данной культуры), логическое (анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от языковой формы), семан-

тико-когнитивное (исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере) и философско-семиотическое (исследование когнитивных основ знаковости) [Попова 2010: 16].

По мнению многих ученых, преимущество когнитивного подхода в том, что он «открывает перспективы видения языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми, и с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [24, с. 13]. На основании когнитивного подхода к языку изучаемые языковые явления рассматриваются во взаимосвязи с другими когнитивными процессами: восприятием, памятью, воображением, эмоциями, мышлением [Кубрякова 2004: 9].

С функциональной точки зрения когнитивная лингвистика должна рассматриваться как часть функционализма. Когнитивный подход является одним из способов объяснения языковых явлений. Согласно современной классификации американской лингвистики, функциональная и когнитивная лингвистика – это совместимые, параллельно существующие направления [Кибрик 2010: 324].

В когнитивной лингвистике существует классический подход к категоризации, частично извлеченный из работ [Лакофф 2004] и [Taylor 1989]. Данный подход назван классическим, так как его история восходит к древней античности, а также потому, что он главенствовал над психологией, философией и языкознанием в течение большей части XX века. Классический подход содержит следующие принципы:

1. Категории определяются на основе необходимых и достаточных признаков.
2. Признаки являются бинарными.
3. Категории имеют четкие границы (т.е. мир четко делится на классы предметов)
4. Все члены категории имеют одинаковый статус (не существует разных степеней вхождения в категорию) [Ченки 2010: 341-342].

Проблематичность данного подхода заключается в том, что не учитывается роль когнитивных процессов в категоризации и роль культурных моделей в определении значения [Ченки 2010: 342].

В 1950-е годы Витгенштейн говорил о том, что в повседневной жизни человек применяет неклассический подход к категоризации. Концептуальные категории и членство в данном подходе определяются некото-

рыми факторами, которые могут иметь разные степени важности [Wittgenstein 1953].

Согласно экспериментальному подходу к категоризации, степень членства в категории является психологически обоснованным понятием [Rosch 1975; Rosch 1973].

Говоря о категоризации объектов действительности, В.Б. Касевич отмечает, что группировка объектов и явлений жизненно необходима в процессе адаптации к действительности. Память хранит образы, схемы, фреймы и т.д., относящиеся к классам объектов и ситуаций, и руководящий деятельностью опыт предполагает категоризацию действительности. В описательных науках классификация в большинстве случаев предполагает получение матрицы, где каждой конфигурации свойств ставится в соответствие объект и наоборот. В основе выделения естественных классов, которые используются человеком, лежат критерии и признаки функционального и адаптивного характера. Отмечается, что при любой классификации, категоризации и любой деятельности человека, сам человек выступает «мерой всех вещей»: действительность структурируется таким образом, чтобы быть максимально удобной для использования [Касевич 2013: 50].

Значение может быть психолингвистическим и лексикографическим. Психолингвистическое значение – значение в полном объеме семантических признаков, связываемых со словом в сознании носителя языка; для выявления используются преимущественно экспериментальные приемы. Лексикографическое значение – значение кратко сформулированное, отраженное в толковых словарях. Концепт имеет в своем составе и психолингвистическое, и лексикографическое значение, но общий объем его содержания намного превышает оба этих значения [Попова 2010: 20].

В последние десятилетия вопросы дискурса активно разрабатываются на материале различных языков отечественными и зарубежными учеными [Котельникова 2013: 4]. Отмечается различие когнитивных исследований в России и на Западе. Это касается различия в тематике: например, понятие концепта не является центральным для западных исследователей, в то время как российские авторы уделяют концепту пристальное внимание. В западной литературе под концептом обычно подразумевают понятия, а в российской лингвистике концепт трактуется как «нечто специфическое именно в рамках когнитивных исследований» [Касевич 2013: 9].

Когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий существенную роль в кодировании и трансформировании

информации. Когнитивная лингвистика – это активно развивающееся лингвистическое направление, существенно влияющее на направление современной мировой лингвистической науки. Ввиду того, что когнитивная лингвистика - направление достаточно новое, существует множество спорных вопросов в теоретических вопросах, исследовательской практике и методах исследования [Попова 2010: 3].

Когнитивная лингвистика, будучи междисциплинарной областью исследования, содержит комплекс методов, допускающих различные (порой нестандартные для традиционной науки о языке) пути сбора, обработки и интерпретации данных. Методы когнитивной лингвистики разрабатываются не только лингвистами, но и представителями других, сильно отличающихся направлений (например, психология, когнитивная наука, философия, нейронаука, информатика). Это объясняет тот факт, что когнитивная лингвистика неоднократно меняла направление в процессе своего существования [Хайдеггер 1991: 11].

В основе когнитивных исследований лежит утверждение, что человеческое поведение определено комплексной системой ментальных структур и процедур, т.е. когницией. *Когниция* (познавательная деятельность человека) несет в себе необходимость отождествления и различения объектов, для реализации чего и служат концепты, поэтому формирование концептов связано с познанием мира, формированием взглядов и убеждений [Маслова 2004: 41]. При когнитивном подходе описание когниции осуществляется в рамках комплексных моделей, где акцентируется креативность ментальной активности и ее творческий характер [Schwarz 1992: 12]. Стоит отметить, что само понятие «когниция» изменялось вместе с развитием когнитивной науки и до сих пор приобретает новые дополнительные значения [Угланова 2010: 59]. Когнитивная лингвистика, наряду с другими науками, изучает когницию при помощи собственных специфических методов.

К основным методам проведения исследований в когнитивной науке и когнитивной психологии относятся эксперимент, математическое и компьютерное моделирование, аппаратное наблюдение

Семантико-когнитивный подход к лингвокогнитивным исследованиям изучает соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными [Попова 2010: 18].

В качестве методов лингвокогнитивного исследования применяются лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц. Когнитивная лингвистика изучает семантику единиц, вербализующих в языке определенный кон-

цепт. Получение доступа к содержанию концептов как мысленных единиц осуществляется путем исследования семантики языковых единиц, объективирующих концепты [Попова 2010: 19].

Ввиду того, что в качестве предмета исследования в когнитивных науках выступают ментальные сущности, наблюдается проблема их изучения, проблема верифицируемости, проверяемости результатов. Поэтому когнитивисты поставили перед собой задачу создания эмпирически верифицируемой теории, которая объясняла бы структурные и процессуальные аспекты человеческой когниции [Угланова 2010: 59]. Перед когнитивистами стоял ряд вопросов: какую познавательную систему использует человек для осуществления мышления и речи, каким образом знание организовано и репрезентировано в памяти, каким образом человек использует это знание и какие когнитивные процессы при этом протекают? [Schwarz 1992: 13]

Функционализм является основным подходом к изучению ментальных сущностей. Функционализм играет первостепенную роль в большинстве исследований в области когнитивной психологии, лингвистики и искусственного интеллекта. Функционализм является характерной чертой как современной лингвистики, так и науки в целом. Функциональный подход является одним из основных принципов в современных исследованиях языка. Отличительной чертой функциональной методологии является то, что она «всегда предполагает учет большого количества факторов, действующих в языке, и ведет к более широкой картине его отражения» [Угланова 2010: 60-63].

За все время существования когнитивной науки исследователям не удалось прийти к общему мнению о том, как организована и структурирована человеческая деятельность. Внешне исследовательская парадигма состоит из множества разноплановых теорий, из которых выделяются две основные конкурирующие теории – *теория модулярности* и *холистическая теория* [Угланова 2010: 64]. Модулярность и холизм задействованы во всех когнитивных направлениях, включая лингвистические.

В современных исследованиях организации когнитивных способностей человека преобладает модулярная концепция. Согласно *концепции модулярности*, человеческий интеллект представляет собой комплекс различных способностей, каждая из которых может быть представлена как самостоятельный модуль. Модулярная концепция рассматривает человеческую когницию как комплексную систему, включающую в свой состав различные подсистемы, имеющие разноплановые структурные и функциональные характеристики. Данные подсистемы действуют как самостоятельные модули, каждый из которых представляет собой

отдельную когнитивную систему знаний. Основная идея модулярного подхода заключается в отграничении всех когнитивных функций друг от друга и определении их местоположения в определенном отделе мозга. Согласно модулярной гипотезе, человеческий интеллект организован так, что его различные подсистемы выполняют свои специальные функции [Schwarz 1992: 13-14]. Предметом исследования в рамках модулярного подхода являются врожденные языковые правила и принципы, конститутивные для определенного языка.

Согласно *холистическому подходу*, интеллектуальные способности представляют собой единое неделимое целое, определяющееся рядом фундаментальных принципов. Целью холистических исследований когнитивной лингвистики является поиск универсальных принципов, составляющих основу всех ментальных способностей [Schwarz 1992: 13]. Холистическая когнитивная лингвистика рассматривает язык как «эпифеномен когнитивной лингвистики». Данная концепция гласит, что языковые структуры являются результатом лежащих в их основе ментальных процедур [Там же: 17-18].

На сегодняшний день когнитивную лингвистику можно назвать одним из самых современных направлений лингвистических исследований [Болдырев 2014: 14]. На данном этапе когнитивная лингвистика имеет дело с тремя основными проблемами: природа языкового знака, его усвоение и способы его использования [Маслова 2004: 24]. Центральной проблемой русской когнитивной лингвистики является категоризация человеческого опыта.

Сегодня перед когнитивной лингвистикой стоит ряд задач: выявление роли участия языка в процессах познания и осмысления мира, исследование соотношения концептуальных систем с языковыми, выявление роли языка в процессах получения, переработки и передачи информации и т.д. [Маслова 2004: 25]. По мнению Е.С. Кубряковой, основная задача когнитивной лингвистики – «изучение языковых процессов, языковых единиц и категорий и т.п. в их соотношении с памятью, воображением, восприятием, мышлением» [Кубрякова 2001: 32].

Перспективы развития когнитивной лингвистики интересны не только для лингвистики, но и для других фундаментальных наук, связанных с языком и в той или иной степени обращающихся к лингвистике для решения теоретических и практических задач [Кубрякова 2012: 15].

Литература / References

Адвербух К.Я. Общая теория термина [Текст] / К.Я. Адвербух. – Иваново, 2004. – 252 с.

- Акимова О.В.* Терминология и английский язык как язык для специальных целей. [Электронный ресурс] http://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F340459939/2.3_Akimova_statya.pdf
- Алексеева Л.М.* Развитие терминоведения и теории ЯСЦ. // Актуальные проблемы современной лингвистики: межвуз. сб. ст. по материалам конференций / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. – С. 140-149.
- Анненкова А.В.* Понятие языка профессионального общения. // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. статей IV Междунар. науч.-практ. конф., 11-12 мая 2012 г. / Редкол.: Е.Г. Баянкина [отв. ред.], О.А. Андреева [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2012. – С. 12-15.
- Антипова А. П.* Происхождение термина LSP (“язык для специальных целей”) и его семантика на английском и русском языках. [Электронный ресурс] <http://konferentziya-stmu2012.mgou.ru/index.php/rabotykonf-2013/21-ling-13/52-antipova>
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д.* Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Ахманова, О.С.* Вопросы оптимизации естественных коммуникативных систем [Текст] / О.С. Ахманова. – М., 1973. – 211 с.
- Балашова Е.Ю.* Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004.
- Беседина Н.А.* Межуровневое взаимодействие в языке как проблема когнитивной лингвистики. // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев ; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания Рос. Академии наук, Управление образования и науки администрации Тамб. обл., Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Общерос. Обществ. орг-ция «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – 822 с.
- Благодарная Т.А.* Подготовка преподавателя ESP. // Язык для специальных целей: система, функции, среда: Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Курск. гос. техн. ун-т. Курск, 2004. – С. 16-19.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Язык и языки // Избранные труды по общему языкознанию. – Т.П. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 67-95.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н.Н. Болдырев ; М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд-е 4-е, испр. и доп. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. -236 с.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики /Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1 – С. 18-36.
- Васильева Н.В.* Языки для специальных целей и норма // Естественный язык, искусственные языки и информационные процессы в современном обществе. М., Наука, 1988. С. 55-69.
- Ведерникова Ю.В.* Тезаурусное моделирование английской терминологии когнитивной лингвистики : автореферат ... канд. филол. наук. Самара, 2013.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Воркачев С.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М, 2004.
- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 141 с.
- Гвишиани Н.Б.* Язык научного общения (вопросы методологии) [Текст] / Н.Б. Гвишиани. – М., 1986. – 222 с.

- Герд А.С.* Введение в изучение языков для специальных целей: учеб. Пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2011. – 60 с.
- Григорьева В.С.* Проблемы теории и интерпретации текста. / В.С. Григорьева, Г.В. Рас-торгуева, И.Ю. Мостовская. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. пед. инс-та, 1987. – 120 с.
- Гумовская Г.* LSP: English of Professional Communication: Английский язык профессионального общения / Г. Гумовская. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 240 с.
- Гусева О. А.* Когнитивные основы представления семантического компонента «расстояние» в лексическом значении английских существительных и прилагательных. : дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2007.
- Даниленко В.П.* Лексика языка науки. Терминология: дисс. ... д-ра филол. наук / В.П. Даниленко. – М., 1976.
- Дмитриева Е. Н.* Процессы фразеологизации в английском научно-техническом тексте (на материалах LSP «Эксплуатация водного транспорта»): дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2010.
- Дрозд, Л. К.* проблеме лингвистической теории терминологии [Текст] / Л.Дрозд // Международный симпозиум «Теоретические и методологические вопросы терминологии». – М., 1979. – С. 177-180.
- Залевская А. А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, 2001. С. 39.
- Залевская А.А.* Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика. // Материалы первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова, Е.В.
- Зяблова О. А.* Принципы исследования языка для специальных целей (на примере языка экономики) : дисс. ... докт. филол. наук. Москва, 2005
- Ивинских Н.П., Пенькова Т.В.* Язык для специальных целей в зеркале метафор. // Актуальные проблемы современной лингвистики: межвуз. сб. ст. по материалам конференций / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. – С. 181-185.
- Кадыров Ф. Ф.* Термины языка для специальных целей: мотивационно-номинативный аспект (на материале русского и английского языков) : дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2013.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс – Волгоград: Перемена, 2004. – 390 с.
- Касевич В.Б.* Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 192 с. – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
- Кедров Б.М.* О современной классификации наук: (Основные тенденции в ее эволюции). – Вopr. философии, 1980, № 10, с. 85-103.
- Кибрик А.А., Плуунган В.А.* Функционализм. // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секе-риной. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. –с. 276-340.
- Колесов В.В.* Язык и ментальность / Русистика и современность. Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб, 2005. – С. 12-16.
- Комарова А.И.* Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 192 с.
- Коровушкин В.П.* Контрастивная социодialeктология как автономная лингвистическая дисциплина / В.П. Коровушкин // Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка - IV): материалы междунар. науч. конф., 21-22 апреля 2005 г., Н.Новгород – Н.Новгород, 2005. – С.7-13.

- Костин А.В.* Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий разножанровых произведений В.И. Даля (на материале концепта «вода»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2002.
- Котельникова Е.В.* Актуализация моделей когнитивной лингвистики в англоязычном научно-инновационном дискурсе : Автореферат ... канд. филол. наук. Нальчик, 2013.
- Кочетова О.А.* Проблемы и задачи когнитивной лингвистики. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 2006.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
- Краткий словарь когнитивных терминов // *Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина.* – М., 1996.
- Крючкова Т.Б.* Социолингвистический аспект исследования языковой вариативности // Вопросы филологии. – 2007. - №1 (25). – С.24-31.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с. – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
- Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. - № 4. – С. 34-47.
- Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004, № 1. – С. 6-17.
- Кубрякова Е.С.* Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии, 2001, № 1 (7).
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. – М., 2004 – 555 с.
- Кузлякин С.В.* Проблема сознания концептуальной модели в лингвистических исследованиях / Русистика и современность. Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб, 2005. – С. 136-141.
- Кънева Н.К.* Языковой дискурс и психология. //Язык и дискурс: Когнитивные и коммуникативные аспекты: Сб. науч. трудов / Отв. редактор И.П. Сусов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1997. 84 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. Изд.2, 2008. - 256 с.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Лассан Э.* «Парадигмы текстов» как объект когнитивного анализа. // Материалы первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова, Е.В. Милосердова, В.Б. Гольдберг и др.: В 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. - С. 57-58.
- Лейчик В.М.* Люди и слова. М.: Наука, 1982, с. 14-29.
- Лейчик В.М.* О некоторых современных способах словообразования. – В кн.: Особенности словообразования в терминосистемах и литературной норме: Сб. науч. тр. Владивосток, 1983, с. - 12-14.
- Лейчик В.М.* Языки для специальных целей - функциональные разновидности современных развитых национальных языков. // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., Наука, 1986. С. 28-43.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН – СЛЯ – 1993, № 1. – С. 3-9.
- Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.

- Массалина И.П., Новодранова В.Ф.* Дискурсивные маркеры в английском языке военноморского дела [Текст]: монография / И.П. Массалина, В.Ф. Новодранова. – Калининград: Изд-во ФГБОУ ВПО «КГТУ», 2009. – 278 с.
- Никитин М.В.* Основания когнитивной семантики: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
- Новодранова В.Ф. Фон и фигура в языке для специальных целей. Концептуальное пространство языка : Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой ; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т. им. Г.Р. Державина. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. - с. 455-457.
- Общая терминология [Текст] : вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева ; ред. Т. Л. Канделаки ; АН СССР, Ин-т языкознания. - Москва : Наука, 1989. - 243,
- Петрашова Т.Г.* [Электронный ресурс] <http://portal.tpu.ru>.
- Пименова М.В.* Концептуальная картина мира. // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 17. – Кемерово, 2012. – С. 73-81
- Пименова М.В.* Предисловие. / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В. Пименовой. Вып. 4. – Кемерово, 2004, 208 с.
- Пиотровски, Р.Г.* Инженерная лингвистика и теория языка [Текст] / Р.Г. Пиотровский. – Л.: Наука, 1979. – 112 с.
- Поляков О.Г.* Английский язык для специальных целей: теория и практика. Уч. пос. – 2-е изд., стереотип. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. – 188 с.
- Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314, [6] с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
- Потебня А.А.* Мысль и язык. – Киев, 1993.
- Протасова. Н.А.* Содержательные характеристики языка для специальных целей. // Лингводидактические аспекты преподавания иностранных языков в вузе: Сборник научных трудов. – Саратов: ПАГС, 2003. – С. 67-70.
- Раздубев А. В.* Современный английский подязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Р. Алексей В. ;[Место защиты: ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»].- Пятигорск, 2013.- 241 с.
- Ретинская Т. И.* Социолингвистический и функционально-стилистический анализ французских профессиональных аргю. Дисс. ... ст. докт. филол. наук. Орловский государственный университет. Орел, 2012.
- Свиридов И.В.* Философские категории «бытие», «реальность», «существование» в русском и иностранном языках в аспекте когнитивных исследований. // Материалы первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол. Е.С. Кубрякова, Е.В. Милосердова, В.Б. Гольдберг и др.: В 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. - С. 43-46.
- Скворцов Л.И.* Вопросы терминологии и терминотворчества в эпоху НТР. – В кн.: Терминология и культура речи. М.: Наука, 1981, с.5.
- Солнышкина М.И.* Словарь Морского языка / М.И. Солнышкина. – М.: Academia, 2005. – 315 с.
- Сонин А.Г.* Когнитивная лингвистика: становление парадигмы: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 222 с.

- Соснина Н. И.* Вариативность акцентуации бинарного именного терминологического словосочетания (на примере языка для специальных целей): дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2006.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Тимофеева М.К.* Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 114 с. (Труды Гуманит. фак. НГУ. Сер. 5. Учебники и учебные пособия).
- Угланова И.А.* Когнитивная семантика: учебное пособие / И.А. Угланова; Перм. ун-т – Пермь, 2010. – 155 с.
- Хайдеггер М.* Искусство и пространство // Самосознание Европейской культуры XX века. М., 1991.
- Хомутова Т.Н.* Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008.
- Ченки А.* Семантика в когнитивной лингвистике. // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 340-370.
- Шагеева А. А.* Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте (на материале русского и английского языков) : Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Шульц Д., Шульц С. Э.* История современной психологии. СПб., 1998.
- Шерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т.1
- Alderson, J.C.* Reading in a foreign language: a reading problem or a language problem? In J.C. Alderson and A. H. Urquhart (eds.), Reading in a Foreign Language. London: Longman, 1984.
- Averbukh K.* Professional Communication: the Information Aspect. The 18th European Symposium on Language for Special Purposes: book of abstracts / ed. Larissa Alekseeva; Perm State University. – Perm, Russia, 2011. – 116 p.
- Candlin C., Bruton C., Leather J., Woods E.* Doctor-Patient Communication Skills. Chelmsford: Graves Medical Audio-Visual Library, 1977.
- Evans V., Bergen B.K., Zinken J.* The cognitive linguistics enterprise: an overview // The cognitive linguistics reader. London: Equinox Publishing, 2007.
- Ewer, J.R. and Latorre, G.,* A Course in Basic Scientific English, Longman, 1969.
- Gardner H.* The Mind's New Science: A History of the Cognitive Revolution. New York, 1985.
- Geeraerts D.* (ed.). Cognitive Linguistics: Basic Readings. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Gibbs R.W.* Why cognitive linguistics should care more about empirical methods? // Methods in cognitive linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 2-19.
- Grellet F.* Developing Reading Skills. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Halliday M.A.K.* Existing Research and Future Work // Language for Special Purposes. London, 1969. P. 73-81.
- Halliday, M.A. K., McIntosh, A. and Strevens, P.,* The Linguistic Sciences and Language Teaching, Longman, 1964.
- Havranek B.* The Functional Differentiation of the Standard Language // A Prague School Reader on Esthetics, Literary Structure, and Style / Selected and translated by P.L. Garvin. – Washington, 1964. – P.3-17.

- Havranek B.* Influence de la fonction de la langue litteraire sur la structure phonologique et grammaticale du tcheque litteraire [Texte] / B. Havranek // Travaux du Cercle linguistique de Prague 1. – Prague, 1929. – P.11-23.
- Heller K.* Der Wortschatz unter dem Aspekt des Fachwortes. Versuch einer Stsystematik // Fachsprachen: Darmstadt, 1981. S. 165-172.
- Hoffman L.A.* A Cumulative Analysis of Scientific Texts [Текст] / L.A. Hoffman // AILA 81: Processings. – Lund, 1981
- Hoffman L.A.* Fachsprachen [Text] / L.A. Hoffman. – 5-te Auflage. – Tubingen, Basel: A-Franeke Verlag, 1996.
- Hoffman L.A., Piotrowski, R.* Beitrage zur Sprachstatistik [Text] / L.A. Hoffman, R. Piotrowski. – Berlin, 1979. – 196 p.
- Hull C.L.* Principles of Behavior: An introduction to behavior theory. New York, 1943.
- Hutchinson T. & Waters A.* English for Specific Purposes: A learning-centered approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Karpova O.M.* Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures. Edited by Olga Karpova and Faina Kartashkova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. – 265 p.
- Kehler W.* Dynamics in psychology. New York, 1940.
- Kerr L.* English for Special Purposes.// English for Specific Purposes. Modern English Publications Limited 1977. - C. 11-13.
- Langacker R.* Conceptualization, Symbolization and Grammar [Text] / R. Langacker // New Psychology of language. Cognitive and Functional Approaches to language structure. – Mahwah, Lawrence Erlbaum, 1998. – P.1 – 39.
- Langacker R.* Concept, image, symbol: the cognitive basis of grammar. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Leichik V.M., Shelov S.D., Picht H.* Preface. In Shelov S.D., Leichik V.M., Picht H., Galinski C., editors, Russian terminology science - 1992-2002. Vienna: TermNet publisher. 2004. p. 5-11.
- Leitchik V.* The Vertical Structure of Some LSP. // The 18th European Symposium on Language for Special Purposes: book of abstracts / ed. Larissa Alekseeva; Perm State University. – Perm, Russia, 2011. – 116 p.
- Lewin K.* The conflict between Aristotelian and Galileian modes of thought in contemporary physiology // Journal of General Psychology. 1931.
- Lykhina E.* LSP vs. LGP. The 18th European Symposium on Language for Special Purposes: book of abstracts / ed. Larissa Alekseeva; Perm State University. – Perm, Russia, 2011. – 116 p.
- Manerko L.A.* Spatial Cognition and Complex Nominal Phrases // HTF Series, Russian Terminology Science (1992-2002). – Vienna, 2004. – 121-134 p.
- Massalina I.* A Cognitive Approach to the LSP of the Navy. // Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе: сб. науч. тр. / под ред. Л.А. Манерко; Институт языкознания РАН; Копи Принт. – М.: Рязань, 2009. – Вып.6. – 290 с. p. 124-129.
- McCulloch W., Pitts W.* A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1943. 5.
- Munby J.,* Communicative Syllabus Design, Cambridge University Press, 1978.
- Novodranova V.* Types of Knowledge and Their Representation in the Language for Special Purposes.// Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе: сб. науч. тр. / под ред. Л.А. Манерко; Институт языкознания РАН; Копи Принт. – М.: Рязань, 2009. – Вып.6. – 290 с. p. 68-72.

- Nuttall C.* Teaching reading skills in a foreign language. London: Heinemann Educational Books, 1982, xi+233 pp, (Practical Language Teaching No.9).
- Palmer H.E.* The Grading and Singifying of Literary Material. A Memorandum. – Tokyo, 1932.
- Phal A.* De la langue quotidienne a la langue des sciences et des techniques // *Le Francias dans le Monde.* 1968. P. 61-69.
- Piaget J.* La Construction du reel chez l'enfant. Neuchatel; Paris, 1937.
- Porzig W.* Das Wunder der Sprache. Bern, 1957. 87 S.
- Rosch, E.,* Cognitive Representations of Semantic Categories. – *Journal of Experimental Psychology: General* 104: 192-233., 1975
- Rosch, E.,* On the Internal Structure of Perceptual and Semantic Categories. – Moore, T.E. (ed.). *Cognitive Development and the Acquisition of Language.* New York: Academic Press, 111-144., 1973
- Rosch, E.* "Human Categorization". In N. Warren, ed., *Advances in Cross-Cultural Psychology*, vol. 1. N.Y.: Academic Press. 1977.
- Sager, J.C.* [et al.]. *English Special Languages – Principles and practice in science and technology* [Text] / J.C. Sager, D.Dungworth, P. McDonald – Wiegbaden: Brandsteller Verlag, 1981. – 368 p.
- Sager, J.C.* *A Practical Course in Terminology Processing.* Amsterdam /Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 1990.
- Schwarz M.* Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realitaet: Repraesentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz / M. Schwarz. Tuebingen, 1992.
- Scrivener J.* *Learning Teaching* [Text] / J. Scrivener // *Macmillan Books for Teachers.* – 2005. – 426 p.
- Selinker L., Trimble L.,* "Scientific and Technical Writing: the Choice of Tense" in *English Teaching Forum*, 14, 4, 1976.
- Swales J.,* *Writing Scientific English,* Nelson, 1971.
- Sweet H.* *The Practical Study of Languages.* – Lnd., 1913.
- Szulc A.* *Podreczny slownik ięzykoznawstwa stosowanego.* *Dydaktyka ięzykow obcych.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1984.
- Taylor J.R.,* *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory.* Oxford: Clarendon. 1989.
- Thomas P.* Choosing Headwords from Language-For-Special-Purposes (LSP) Collocations for Entry into a Terminological Data Bank (Term Bank) // *Terminolgy Applications in Interdisciplinary Communication.* – Amsterdam; - Philadelphia, 1993. – 24 – 27 p.
- Dudley-Evans T., Maggie Jo St John.* *Developments in ESP. A multi-disciplinary approach.* Cambridge University Press, 1998.
- Turing A.M.* On Computable Numbers // *Proceedings of the London Mathematical Society.* 1936. S.2. 42.
- Wanner E.* *Psychology and linguistics in the sixties // The Making of Cognitive Science.* Cambridge (Mass.), 1988.
- Wertheimer M.* Experimentelle Studien uber des das Sehen von Bewegung // *Zeitschrift fur Psychologie*, 61, 161-265. Translated in part in T. Shipley (Ed.) *Classics in psychology.* 1961. New York, 1912.
- West M.P.* *Learning to Read a Foreign Language: An Experimental Study.* – Lnd., 1926. (Revision edition 1960)
- Wittgenstein, L.* *Philosophical Investigations.* Translated by G.E.M. Anscombe. New York: The MacMillan Company, 1953.
- Wuster E.* Die vier Dimensionen der Terminologiearbeit // *Mitteilungblatt fur Ubersetzer und Dolmetscher:* 1969. S. 23-27. Oktober (Sonderdruck).

Wuster E. Die allgemeine Terminologielehre – eine Grenzgebiet zwischen Sprachwissenschaft, Logic, Ontologie, Informatik und Sachwissenschaften [Text] / E.Wuster //Linguistics. – 1974. - # 119. – P. 61-106.

Wuster E. International activity in Terminology: 75 years of Research foundations and Challenge for the Rest of the Century [Text] / E. Wuster. – Munich: Infoterm. Ser. 3, 1976. – P. 32-40.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

A.A. Izotova

FUNCTIONAL PHRASEOLOGY IN FICTION

A.A. Izotova

ABSTRACT:

The elective course of Functional phraseology in fiction is read to MA students of English department, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University.

Keywords: functional phraseology; allusion; idiom; stable metaphor

Ключевые слова: функциональная фразеология; устойчивая метафора; аллюзия; идиома

I. Функциональная фразеология в художественном дискурсе

II. Направление подготовки: 032700.62 - Филология

III. Цели и задачи дисциплины

Целью освоения курса по выбору «Функциональная фразеология в художественном дискурсе» – сформировать у студентов знания, умения и навыки, необходимые для квалифицированного фразеологического анализа англоязычного художественного текста.

Задачи курса:

- 1) познакомить студентов с современной методикой фразеологического анализа художественного текста;
- 2) дать студентам общее представление о взаимодействии этого подхода с другими направлениями изучения художественного текста (когнитивный, нарратологический, теории фикциональности);
- 3) сформировать у студентов представление о взаимосвязи и взаимообусловленности понятийных аппаратов лингвистики и литературоведения, предназначенных для изучения художественного текста;
- 4) на базе изучения образцов лингвистического анализа художественных произведений английской и американской литературы XIX – XX вв. сформировать у студентов умение анализировать субъектную структуру текста и устанавливать связь между языковыми средствами, использованными в тексте, тактикой и замыслом автора.

IV. Место дисциплины в структуре ООП

1. Информация об образовательном стандарте и учебном плане:
 - тип образовательного стандарта и вид учебного плана: интегрированный магистр МГУ;
 - направление подготовки (в соответствии с образовательным стандартом): «филология»;
 - наименование учебного плана: «филология»;
 - профиль подготовки / специализация / магистерская программа: «Английский язык: функционально-коммуникативный и социо-прагматический аспекты изучения английского языка»
2. Информация о месте дисциплины в образовательном стандарте и учебном плане:
 - вариативная часть, профессиональный цикл, курс по выбору.
3. Перечень дисциплин, которые должны быть освоены до начала освоения данной дисциплины: «Английский язык» на уровне подготовки бакалавра филологии по ОС МГУ, «История зарубежной литературы» на уровне подготовки бакалавра филологии по ОС МГУ или ФГОС.
4. Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 единицы или 64 академических часа (32 аудиторных часа, 32 часа самостоятельной работы студентов)

5. Форма промежуточной аттестации – зачет.

V. Формы проведения:

- форма занятий с указанием суммарной трудоемкости по каждой форме:
 - лекции – 16 ауд.ч.;
 - практические занятия (семинары) – 16 ауд.ч.;
 - самостоятельная работа – 32 ауд.ч.;
- формы текущего контроля – коллоквиумы

VI. Распределение трудоемкости по темам, а также формам проведения занятий с указанием форм текущего контроля и промежуточной аттестации:

	Наименование разделов и тем дисциплины	Трудоемкость (в академических часах) по формам занятий (для дисциплин) и видам работ (для практик)			Формы контроля
		Аудиторная работа (с разбивкой по формам и видам)		Самостоятельная работа	
		Лекции	Семинары		
1.	Предмет идиоматической фразеологии	2	2	4	коллоквиум
2.	Фразеологические единицы и устой-	2	2	4	коллоквиум

	живые метафоры				
3.	Обыгрывание идиом как лингвистическая проблема	2	2	4	коллоквиум
4.	Метаметафора как текстологическая проблема	4	4	8	коллоквиум
5.	Просодия устойчивой метафоры	2	2	4	коллоквиум
6.	Обыгрывание устойчивых метафор как раздел филологической герменевтики	4	4	8	коллоквиум
	Итого	16	16	32	

VII. Содержание дисциплины по темам – аудиторная и самостоятельная работа:

Тема 1. Предмет идиоматической фразеологии.

Содержание темы:

According to academician V.V. Vinogradov a phraseological unit is a combination of words which are semantically integral in the sense that the meaning of the whole is not deducible from the meanings of the constituent parts. This is often termed as *idiomaticity*. It is necessary to take into account structural separability of components: on the content plane a phraseological unit is indivisible, on the expression plane - it is separable. Being a ready-made block, a phraseological unit functions as an equivalent of a word.

According to one of the traditionally accepted classifications all phraseological combinations of English are divided into two main groups or categories: 1) phraseological units or phraseological units-collocations (British phraseology); 2) idioms proper — the units which do not only denote a certain object or a phenomenon but also have an implicit evaluation.

The dichotomy of phraseological combinations manifests the difference between *stylistically neutral* phraseological units and those which are based on a *metaphor*.

Задания для самостоятельной работы:

- What is the subject of idiomatic phraseology? Use the Web.
- How can you define a phraseological unit? Use the Web.
- What is the traditional division of English phraseological combinations and what does this dichotomy manifest? Use the Web.

Тема 2. Фразеологические единицы и устойчивые метафоры

Содержание темы:

The specific stylistic connotations of idioms proper arise from the semantic peculiarities these units are characterized by. Idioms proper are based on the metaphoric transference of meaning and are often regarded as “metaphors”. In contrast with an individual (occasional) metaphor which is always created for the nonce and forms part of the poetical language, the metaphor that underlies an idiom proper is “dead”. This is something that has become part of the English usage (языкового узуса) and is at a disposal of every speaker of English. That is why at the English department of the philological faculty of Moscow State University a new term “stable (or fixed) metaphor” (устойчивая метафора) has been suggested and introduced. In the present manual both terms “idiom proper” and “stable metaphor” will be employed.

Although the group of stable or fixed metaphors is a homogeneous category, certain types of units can be singled out within this class. Thus, some idioms are perceived as quite concrete facts of the language (e. g. *no man's land* - ‘a place or situation of uncertainty or danger’); others have allusive character, they are often linked with a literary source and go back to the famous literary quotations. For example, such phrases as *to sell one's birthright for a mess of pottage* (‘to exchange something of lasting value for something that is of value for a short time only’), *to kill the fatted calf* (‘to do all one can to provide plenty of good food and drink, esp. to have a feast to welcome someone’), *a land of milk and honey* (‘a place in which life would be pleasant, with plenty of food and chances of success and happiness’), *a thorn in someone's flesh* (‘a person or thing that causes continuous trouble or anxiety to someone’), *an eye for an eye and a tooth for a tooth* (‘a punishment that is as cruel as the crime’), *a fly in the ointment* (‘something or someone that spoils plans, causes trouble or lowers the value of something’) go back to *the Bible* and therefore are referred to as *biblical* idioms. We should also mention a wide variety of idioms, which have a different origin, they came into modern English from the works and plays of W. Shakespeare. These phrases are registered by dictionaries as *Shakespearian idioms*.

Задания для самостоятельной работы:

- What is an idiom proper or a “stable metaphor” and in what way does it differ from a neutral phraseological unit? Use the Web.
- Why was the new term “stable or fixed metaphor” suggested and introduced at the English department of the philological faculty of Moscow State University? Use the Web.
- What types of units can be singled out within the group or the category of stable metaphors? Give examples. Use the Web.

Тема 3. Обыгрывание идиом как лингвистическая проблема

Содержание темы:

The term “deformation” is not the only metalinguistic means to refer to this phenomenon, there also exist such terms as “nonce-variation”, “occasional use”, “linguistic transformation”, which designate the same thing. We believe that the term “deformation” is the most acceptable one because it renders the peculiarities of the processes which take place when an idiom is

actually broken in speech, and then refashioned or even remoulded as the case may be.

Deformation as the ontological property of all phraseological units is possible owing to the specific linguistic properties of idioms, which are structurally separable on the one hand, and semantically global on the other. It takes place when an idiom that is fixed in the language and forms part of its word-stock is rebuilt and its components take on a life of their own. It is a process in which both the structural and the semantic properties of the given linguistic unit are involved.

Deformation of an idiom proper should be kept distinct from all kinds of mistakes, i.e. from those cases when the speaker confuses two idioms, erroneously substitutes one component of a phraseological unit for another word, or makes mistakes in the choice of articles, and so on and so forth. One should always bear in mind that deformation is **done on purpose**: the speaker is always aware of the fact that he is using an idiom facetiously.

Deformation should also be kept distinct from acceptable variation as in *give smb an inch and he will take a mile (a yard), (an ell), a holy / sacred cow; as thick as a cable / hailstones / blackberries; chilled / frozen to the bone / marrow*. Here, we want to point out that some idioms permit the use of passive constructions: *to let the cat out of the bag — the cat is let out of the bag; to pull someone's leg — someone's leg is pulled*. When acceptable variation is found it is characteristically registered by phraseological dictionaries. Sometimes variants can be connected with the territorial indication, e. g. *the skeleton in the cupboard (British English) — the skeleton in the closet (American English)*.

As for idioms which are sentence-like, that is proverbs, they are often shortened. It is felt sufficient to hint at the whole by the use of a part, as in such cases as *a stitch in time (a stitch in time saves nine = 'damage quickly worsens if it is not repaired; the mending of a fault as soon as it is noticed will save much time, cost and trouble')*. Sometimes, as we know, the fragment may take on a life of its own as an independent idiom, e. g. *an early bird (the early bird catches the worm = 'the person who gets up early to work will be successful')*. It may coexist for some time with the saying which has given rise to it and is often granted a separate entry in phraseological dictionaries.

It should be noted that most if not all idioms exhibit certain transformational deficiencies. The functioning of phraseological units is influenced by the restrictions of a paradigmatic character which condition the syntactic deficiency of idioms.

Задания для самостоятельной работы:

- Find and comment the cases of Substitution of one or more components of an idiom.
- Find and comment the cases of Insertion.
- Find and comment the cases of Ellipsis.
- Find and comment the cases of Contamination.

- Find and comment the cases of Double Actualization.

Тема 4. Метаметафора как текстологическая проблема

Содержание темы:

Idioms proper as “usual” or “dead” metaphors are made to serve as the starting point in creating a new highly individual and original metaphor or “metametaphor”.

To clarify the point, let us turn to the following example: “I got it from the horse’s mouth, Grosset said. “You’re quitting Dee Cee at the end of the month” “*Who’s the horse this time?*” “*Mr. Duncan Calderwood*” (I. Shaw. Rich Man, Poor Man).

In the first sentence of the given extract the idiom proper *from the horse’s mouth* (‘from the person most closely concerned with the subject, being discussed’) is not disturbed. It is only a few lines below that we come across the word *horse* which is obviously connected with it. It is quite clear from the context that the word *horse* here does not denote ‘a domestic animal’. To understand its meaning one has to turn to the idiom proper we find in the opening sentence, its meaning is obviously derived from that of the idiom proper under consideration.

The specific meaning of the word “horse” in the present context becomes more concrete when “the source of information” is actually named and the reader learns that it happened to be a man called Mr. Calderwood.

Thus, we may conclude that the idiom proper as “a usual metaphor” gives rise to “the metametaphor” which is realized in the given text.

As follows from the example adduced above, the major elements of the “metametaphor” are not only the idiom proper itself and its components but other units of the text as well, the image being developed and “adjusted” as it were to the given situation.

From what has been said follows that “metametaphor” is a textological problem. Its “linguistic mechanism” can be understood only when idioms proper are regarded within a certain chunk of speech i.e. when the broader textological environment is taken into account.

Задания для самостоятельной работы:

Comment “metametaphors” in the following fragments:

- Mr. Pott winced beneath the contemptuous gaze of his wife. He had made a desperate struggle *to screw up his courage*, but it was fast coming *unscrewed* again [screw up one’s courage = ‘to force oneself to be brave’]. (Ch. Dickens. Pickwick Papers).
- I had expected *to freeze her young - or, rather, middle-aged blood*, and she hadn’t moved a muscle [freeze someone’s blood = ‘cause somebody to feel great fear or terror’]. (P. G. Wodehouse. Jeeves in the Offing).
- “You only said the one thing you should not have said”, he replied bleakly. “*You merely put your foot in it right up to the knee* [put one’s foot in it (coll) = ‘to do or say something that

distresses or offends another person'] (P. G. Wodehouse. Summer Moonshine).

- April June *stamped* what, if I hadn't felt it on my trouser seat, I would have called a *dainty foot* [stamp one's foot = 'to express anger or great annoyance esp. by putting one's foot down']. (P. G. Wodehouse. Laughing Gas)
- ... He wanted any first-hand impressions you had of Melpham. I told him you could only have been *in long clothes or whatever they put babies into in 1912*, but apparently you were there. You look so distinguished, Gerald, one can't tell what age you are [in long clothes = 'still a young baby']. (A. Wilson. Anglo-Saxon Attitudes)

Тема 5. Просодия устойчивой метафоры

Содержание темы:

It is common knowledge that different punctuation marks for the horizontal segmentation of the flow of speech such as double commas and dashes, double and single quotes, brackets, Italics and Spacing have their exact prosodic arrangement. This forms the basis for the study of the character of bringing out various units in the flow of speech. As is well-known, the horizontal segmentation of a text consists in dividing it into different layers. This can be achieved not only with the help of punctuation marks, but also by means of diapason. In connection with what has been said above a question is bound to arise — what is the prosodic arrangement of this or that linguistic unit if it is not marked by punctuation marks in the author's speech and what are the basic rules of the horizontal segmentation of stable metaphors?

However, as a rule, stable metaphors are not singled out in the written form of speech both in those cases when they are used in their dictionary form, and when they are deformed, and one, in fact, comes across its fragments. What are then the basic peculiarities of the prosodic arrangement of dictionary forms of stable metaphors and their deformed counterparts, how are they to be reflected in our inner speech if we deal with written texts?

As has already been mentioned, a stable metaphor is a usual metaphor (узуальная метафора) which is based on the metaphoric transference of meaning. Thus, a stable metaphor is likely to require the use of suprasyntactic timbre, i.e. the employment of those suprasegmental parameters which are meant to show a metasemiotic character of this unit (e.g. tempo, diapason, loudness, voice-quality, etc.).

Having analyzed a considerable corpus of material, we came to the conclusion that the prosody of a usual stable metaphor is characterized, as a rule, by pausation and slow tempo. As far as deformed variants of the same stable metaphors are concerned, they call for the use of suprasyntactic timbre, i.e. the employment of paralinguistic parameters, such as pitch-movement, pausation, tempo, loudness, diapason and voice-quality. Moreover, the prosody of a usual stable metaphor appears to be similar to a specific background against which various metaphors are extended in the case of deformation.

Задания для самостоятельной работы:

- The importance to study the prosody of a stable metaphor?
- The way stable metaphors can be singled out in a written text?
- The way one can you characterize the prosodic arrangement of a stable metaphor used in its dictionary form.
- The way the prosody of deformed stable metaphors.

Тема 6. Обыгрывание устойчивых метафор как раздел филологической герменевтики

Содержание темы:

The existence of two ways of reproducing a stable metaphor in speech, namely the use of a corresponding unit in its dictionary or deformed form makes it necessary to regard this opposition in terms of philological hermeneutics — a domain of the humanities dealing with understanding and interpretation of a text. Therefore it is an urgent task to study the following criteria: who deforms a stable metaphor and who uses it in its dictionary form, in what speech situations does deformation take place, what is the goal that the speaker is seeking to achieve when he deliberately deforms a stable metaphor in his speech and how can we evaluate this deformation from the point of view of appropriateness and aesthetic value of this device in this or that context.

“Idioms form an extremely important — an inseparable — part of a language; its very core, its essence, its last resort. But certain idioms have been so widely and so much used, often so indiscriminately used, that they have lost their freshness, their picturesqueness, their point; from being vivid metaphors they have become mere counters and a source of confusion”. That is why these units are regularly played upon.

The wide spreading of deformation of stable metaphors in English fiction is closely connected with national cultural-historical peculiarities of the development of the English language. The tradition of word-play in general, as well as the use of metaphorical units of the language to create new images goes back to the works of such great English writers as W. Shakespeare, J. Swift, L. Sterne. The eminent English writers and poets not only created various metaphors, which, having been widely spread in the language, enriched it and became part of its lexicon, but also not infrequently used deformation of already fixed idioms that resulted in the creation of metasemiotic processes and consequently “metametaphors”.

Задания для самостоятельной работы:

- The attitude towards idioms in the 18th century and in what way did it change in the 19th century.
- The peculiarities of reproducing stable metaphors in the novels by J. Galsworthy.
- The importance to distinguish between the author's speech and the speech of a literary character in the style of fiction.
- The peculiarities of the usage of stable metaphors in the 20th century novel, e. g. in the novels by A. Wilson, J. Wain, I. Murdoch.

- The sociolinguistic factors the phenomenon of deformation is connected with.
- The way one can formulate the concept of meta-folklore.

VIII. Перечень компетенций, формируемых в результате освоения дисциплины / прохождения практики – по видам компетенций

1. Универсальные компетенции:

а) общенаучные:

- способность анализировать и оценивать философские проблемы при решении социальных и профессиональных задач (М-ОНК-1);
- способность самостоятельно формулировать научные проблемы на основе адекватного анализа научной традиции и современных тенденций (М-ОНК-2);
- способность к самостоятельному пополнению, критическому анализу и применению теоретических и практических знаний в сфере гуманитарных наук для собственных научных исследований и практической деятельности (М-ОНК-3).

б) инструментальные:

- **владение иностранным языком в устной и письменной форме для осуществления коммуникации в учебной, научной, профессиональной и социально-культурной сферах общения; владение терминологией специальности на иностранном языке; умение готовить публикации, проводить презентации, вести дискуссии и защищать представленную работу на иностранном языке (М-ИК-1);**
- владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; умение анализировать и совершенствовать методы, способы и средства работы с информацией в соответствии с поставленными задачами (М-ИК-3).

в) системные:

- способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (М-СК-1);
- способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (М-СК-2);
- способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (М-СК-3);

2. Профессиональные компетенции

- знание актуальных проблем, традиционных и современных методов филологической науки, понимание структуры и перспектив развития филологии как области знаний, междисциплинарных связей филологии (М-ПК-1);
- владение категориально-терминологическим аппаратом современной филологии; знание важнейших филологических отечественных и зарубежных научных школ (М-ПК-2);
- владение навыками самостоятельного филологического исследования и аргументированного представления его результатов (М-ПК-3);
- владение навыками квалифицированного анализа, комментирования, реферирования и обобщения результатов научных исследований с использованием современных методик и методологий, передового отечественного и зарубежного опыта (М-ПК-4);
- владение навыками квалифицированной филологической экспертизы, критики, интерпретации, комментария и анализа различных типов текстов (М-ПК-5);
- способность с филологической и общегуманитарной точки зрения осмыслять, описывать и анализировать разнообразные феномены языка, литературы, культуры, сознания, общественной жизни (тексты, произведения, ситуации, процессы и т.п.) (М-ПК-6);
- умение применять филологическую теорию в прикладных областях (М-ПК-7).

IX. Используемые образовательные, научно-исследовательские и научно-производственные технологии

1. Образовательные технологии: интерактивные лекционные занятия с презентационным сопровождением, аналитическое чтение научной литературы, изучение образцов анализа, выполнение практических заданий.

2. Научно-исследовательские технологии: сопоставительный анализ, изучение научной литературы.

X. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов, оценочные средства контроля успеваемости и промежуточной аттестации

1. Учебно-методические рекомендации для обеспечения самостоятельной работы студентов.

Sometimes we cannot imagine ourselves not using an idiom, not expressing ourselves in the idiomatic way; and there are plenty of such situations.

“Idiom ... is, in truth, the life and spirit of language. It may be regarded as the sister of poetry, for like poetry, it retranslates our concepts into living experiences and breathes the atmosphere of animal sensation which sustains the poet in his flights”. That is how the British linguist L. P. Smith describes an idiom. It is a well-known fact that idiomatic phraseology as a linguistic

discipline is an integral part of lexicology which studies stable combinations of words. The main unit of idiomatic phraseology is a phraseological unit.

How can we define a phraseological unit? According to academician V. V. Vinogradov a phraseological unit is a combination of words which are semantically integral in the sense that the meaning of the whole is not deducible from the meanings of the constituent parts. This is often termed as *idiomaticity*. It is necessary to take into account structural separability of components: on the content plane a phraseological unit is indivisible, on the expression plane — it is separable. Being a ready-made block, a phraseological unit functions as an equivalent of a word.

It should be noted in this connection that at the English department of the philological faculty of Moscow State University the study of idiomatic phraseology is based on the categorial approach. By definition a category is something which is derived from a vast number of individual cases to stress a certain general feature. The categorial approach enables us to see phraseological units from different points of view; to correlate their ontological characteristics and the way they actually function in speech.

2. Примерный список заданий для проведения текущей и промежуточной аттестации (темы для докладов, рефератов, презентаций и др.).

- The Subject of Idiomatic Phraseology.
- Phraseological Units and Stable Metaphors.
- Deformation of Idioms as a Linguistic Problem.
- “Metametaphor” as a Textological Problem.
- The Prosody of a Stable Metaphor.
- Deformation of stable metaphors as part of philological

hermeneutics

3. Примерный список вопросов для зачета:

- What is one of the complex devices which is widely discussed in the papers of professor A. V. Kunin's phraseological school of thought? Can you specify different types of this device?
- What can be said about “potential words” in connection with the meaning of an idiom?
- What can you say about the term “inner form” with reference to idiomatic phraseology?
- What is the term “metametaphor” used to describe in this manual? In what way are “metametaphors” different from “usual”, “dead” metaphors?
- What is the first type of deformation of an idiom proper “metametaphor” can be based on?
- How can you describe the other way of creating “metametaphor” in a text?
- What happens to an idiom when “metametaphor” turns out to be the result of the interaction of the two processes mentioned above?

- In what way can you prove that “metametaphor” is a textological problem?

XI. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины:

1. Основная литература

- *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- *Изотова А.А.* Английская фразеология: Аллюзии. Идиомы. Метафоры. – М., 2014.
- *Чинёнова Л.А.* Английская фразеология в языке и речи. – М., 1986.
- *Izotova A.* English Idioms: Usage and Tradition. – М., 2001.
- *Izotova A.* English idiomatic phraseology in fiction. – М., 1998.
- Longman Dictionary of English Idioms. – Bath: The Pitman Press, 1980.

2. Дополнительная литература

- *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966
- *Изотова А.А.* Обыгрывание английских фразеологических единиц в речи. – М., 1994.
- *Cowie A. P., Mackin R.* Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2. – London, Oxford University Press, 1983.

3. Программное обеспечение и Интернет-ресурсы

- http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

XII. Материально-техническое обеспечение дисциплины

- доступность указанной литературы;
- доступ к Интернет-ресурсам.

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ по специальности / направлению подготовки «Филология».

Литература / References

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966
Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
Изотова А.А. Обыгрывание английских фразеологических единиц в речи. – М., 1994.
Изотова А.А. Английская фразеология: Аллюзии. Идиомы. Метафоры. – М., 2014.
Чинёнова Л.А. Английская фразеология в языке и речи. – М., 1986.
Izotova A. English Idioms: Usage and Tradition. – М., 2001.
Izotova A. English idiomatic phraseology in fiction. – М., 1998.
 Longman Dictionary of English Idioms. – Bath: The Pitman Press, 1980.
Cowie A. P., Mackin R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2. – London, Oxford University Press, 1983.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Ван Хунвэй – аспирант филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: hongwei127@mail.ru

Забросаева Ирина Андреевна – преподаватель Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга
E-mail: irina.zabrosaeva@mail.ru

Изотова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: a.a.izotova@mail.ru

Конурбаев Марклен Эрикович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: 1188067@gmail.com

Красных Виктория Владимировна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: victoryvk@gmail.com

Щеглова Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент подготовительного факультета для иностранных граждан Астраханского государственного технического университета
E-mail: isheglova@yahoo.com

Янь Кай – аспирант филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: ky_710@mail.ru